

Максим Калашников

Организатор великих поражений

2009

От Куусинена – к Горбачёву: люди непонятных занятий

Как в библейской истории (Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова), мы можем проследить цепочку тех, кто сработал на развал Советского Союза. Горбачёва вывел во власть Андропов. Последний же – любимец и протеже Отто Куусинена.

Мы продолжаем исследование фигуры этого «финна в Политбюро». Хотя его фигура не столь избалована вниманием историков и публицистов, как, скажем, личности Молотова или Хрущёва, на деле он сыграл роль бомбы под основанием Советского Союза.

Родственные души

Итак, в 1940 году рушатся надежды Отто Куусинена на председательство в просоветской Финляндии. И тогда же судьба посылает ему молодого ученика – первым секретарём республиканского комитета комсомола в Карело-Финской ССР назначают молодого Юрия Андропова, переведённого в республику из Ярославской области.

Хотя создание Карело-Финской союзной республики в СССР было намёком на возможное включение Финляндии в состав Союза, сам Куусинен воспринимал своё избрание председателем президиума Верховного Совета КФСР как своего рода почётную ссылку. Хотя внешне это обеспечивало финну карьерно-аппаратный рост: он по должности входил в члены президиума Верховного Совета СССР, получил возможность участвовать в межпарламентских междуна-

родных контактах. Но всё это было не то, не то! Больше видимость, чем настоящая власть. Она-то оказалась в руках партийного руководителя КФССР, первого секретаря республиканского комитета ВКП(б) Геннадия Куприянова. А Куусинен добрых двадцать лет корпел в аппарате Коминтерна, мирился с потерей родных и близких в репрессиях 30-х ради главной награды: поста партийного главы Финляндии, подчинённой Москве.

Сумрачный, умеющий таить в сердце своём месть, Куусинен в тот момент явно положил камень за пазуху. Может быть, уже тогда он сделал свой выбор? В самом деле, если ему не удалось устроить революцию в Финляндии в 1918 – 1920 годах, если не оправдались его надежды воссесть на финский «трон» с помощью танков Красной армии в 1939-м, то стоит ли теперь хранить верность Красной империи? И русским – её сердцевине?

Мы можем предполагать, что так оно и было. Прежде всего – по одному косвенному признаку. Юрий Андропов, тонкий и умелый разрушитель нашей страны, старался почти во всём походить на своего духовного отца – Куусинена. Андропов писал стихи, слыл ценителем литературы, знакомился с новинками западной общественной мысли, любил французские вина и очень хотел стяжать славу интеллектуала. Ну, так и Куусинен был талантливым поэтом, хорошо музицировал, писал множество статей и работ, как под своим именем, так и под псевдонимом (например, В. Балтийский). Например, известный либеральный журнал «Новое время» обязан рождением именно О. Куусинену, каковой создавал его, первоначально – под названием «Война и рабочий класс».

И Куусинен, и Андропов питали слабость к удобствам жизни, организованной по-западноевропейски.

Оба они не могут похвастать реальным участием в грандиозных стройках индустриализации и в титанических сражениях Второй мировой. Куусинен здесь совершенно незаметен на фоне Сталина, Орджоникидзе, Кагановича, Молотова, Берии, даже Хрущёва. И точно также Андропов сер на фоне Машерова, Брежнева, Устинова, Громыко, Косыгина, Ванникова. Если Пётр Машеров – отчаянно храбрый партизанский вождь, то следов реального участия Андропова в партизанских отрядах Карелии, увы, не удалось отыскать даже отъявленным придворным льстецам после ноября 1982 года. Ведь тогда они пробовали создать культовые тексты – наподобие книг об участии только умершего Леонида Брежнева в войне. Но вышла загвоздка: если Леонид Ильич действительно воевал и видел ад на Малой Земле под Новороссийском, то с Юрием Андроповым не получилось ничего, кроме невнятного *«участвовал в партизанском движении на территории Карелии»*. Впрочем, сам Юрий Владимирович пресёк попытки потревожить его «героическое прошлое».

Маленькая деталь: Андропов в семидесятые фактически создавал «внутреннюю партию» своих приверженцев в элитных кругах СССР. Он сводил их в «пятёрки», причём каждая пятёрка знала только друг друга – но не ведала об иных. Принцип, знаете ли, заимствован у подпольных большевистских ячеек. Или – у масонов?

Получилось, что и Куусинен, и Андропов – люди, в общем-то, непонятных занятий. Не крупные деятели, а литераторы и идеологи. Тот же Отто Вильгельмович не входит в пантеон государственных руководителей и выдающихся полководцев Великой Отечественной. Он практически не руководит и своей Карело-Финской СССР, которая уже в октябре 1941 г. попада-

ет под практически полную оккупацию. И если партийный глава КФ ССР Г. Куприянов – организатор партизанских отрядов, член Военного совета Карельского фронта, а концу войны – уже генерал-майор, награждённый пятью высшими орденами, то Куусинен ничем подобным похвастать не в состоянии. В отличие от партийных руководителей Украины и Белоруссии, наш герой не занимается партизанскими делами. После войны в атомном и ракетном проектах не участвует.

Чем он вообще живёт?

Мина, ждущая своего часа

Получается, что Куусинен – посторонний, довольствующийся парадно-представительскими функциями в государственном аппарате СССР и литературно-журналистской работой. После войны он увлекается карельским эпосом, «Калевалой». Благодаря ему в 1953-м в Петрозаводске выходит красочное издание «Калевалы». И все?

Да нет. В годы войны Куусинен продолжает заниматься ещё и делами Компартии Финляндии. Очень укрепляет её позиции. Видимо, он снова надеется на то, что русские войска займут его родину и в их «обозе» он сможет вернуться домой, что называется, королём. Недаром в конце марта 1945 г. Куусинен отправляет письмо своей дочери Хертте (1904 – 1974 гг.), где признаётся в том, что очень хочет вернуться в Финляндию: *«Старых боевых кляч тянет на запах пороховой гари»*.

И снова его мечты не сбываются. Сталин, выведя финнов из войны в сентябре 1944 года, решает не «советизировать» страну Суоми, а заключить с нею мир-

ный договор и сохранить в ней буржуазные порядки. (Это и случится в 1948 г.) Однако финское руководство не скрывает того, что Куусинен для него нежелательная персона. И Сталин принимает это условие. Он ставит не на Куусинена, а на трезвомыслящих деятелей Финляндии – Паасикиви и Кекконена (последний будет переизбираться президентом страны пять раз подряд, до 1982 г.). Между тем, лелеемая Куусиненом финская компартия добьётся значительных успехов. Создав Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ), она на выборах весной 1945 года получит 24 % голосов. Правда, уже в 1948 г. такой успех повторить не удастся: финны окажутся напуганными жёсткой советизацией Чехословакии. Однако и в пятидесятые годы коммунистический фронт будет солидной политической силой на выборах. Наверное, Куусинен рассчитывал возглавить Финляндию на волне успехов ДСНФ. Однако и тут его ожидания оказались обманутыми. Забегая вперёд, скажем: во избежание осложнений с финскими властями Москва в 1958 г. отменила поездку Куусинена в Финляндию на празднование сорокалетия тамошней компартии, отцом-основателем коей он и был.

Что чувствовал Куусинен, когда Сталин в 1948 году заключал мирный договор с финнами, оставляя его «за бортом»? Очевидно, горечь и злобу. Рухнули его надежды на то, чтобы воцариться в Финляндии в роли «красного проконсула», растворяется в воздухе без остатка даже призрачная надежда на мировую революцию. Отныне Куусинен ждёт смерти Сталина, чтобы заняться новым делом: «демократизацией» СССР. Он – словно мина, ждущая своего часа.

Вполне возможно, что Куусинен вспомнил свои контакты с западными закулисными силами. Естественно, прямая связь прерывалась на долгие годы, но

сама психология нашего героя предопределяла его действия. Опыт истории говорит, что подобные люди могут действовать, как Алекс без Юстаса, без связи с Центром. Разочаровавшись в Сталине и его варианте Красной империи, Отто Вильгельмович вполне мог заняться и подрывом СССР, и подготовкой молодой смены в лице Андропова.

И те события, что последовали за смертью Сталина, могут служить подтверждением этой гипотезы. После 1953 года Отто Куусинен вдруг становится во главе идеологического реформирования СССР, становится сподвижником Никиты Хрущёва в рискованных социально-экономических экспериментах последнего. Кстати, последний период жизни Отто Куусинена освещён очень скупо. А зря.

Разрушитель

Наверное, поворотным пунктом и началом последнего взлёта карьеры Куусинена можно считать 1956 год – год, когда по Советскому Союзу были нанесены два страшных удара. Первый – доклад Хрущёва о разоблачении «культы личности» на XX съезде КПСС. Второй – антисоветское восстание в Венгрии, жестоко подавленное нашими войсками.

Именно Куусинен принимает живейшее участие в подготовке того доклада. Он мстит мёртвому Сталину за обманутые надежды. Угрюмый, затаивший злобу угро-финн всё-таки дождался своего часа. Доклад Хрущёва, направленный на развенчание Сталина и его эпохи, стал тяжелейшей раной, нанесённой делу Красной империи. Он привёл к тому, что сотни миллионов людей как за рубежом, так и в собственной стране отшатнулись от всего советского со страхом и ужасом.

Он обесмыслил принесённые жертвы. Он посеял семена будущего развала. Падение престижа СССР было огромным. Хотя благодаря впечатляющим успехам в космосе и в народном хозяйстве его удастся восстановить в 1960-е, события 1968 года в Чехословакии окончательно обрушат светлый образ нашей страны. И именно Куусинен приложил руку к этому роковому докладу, после смерти Сталина выдвинувшись в главные коммунистические идеологи Советского Союза.

После Сталина наш герой становится членом Академии наук СССР, не имея никаких научных достижений. Выступает автором учебника «Основы марксизма-ленинизма», который в 1958 году писала группа молодых, прозападно настроенных экспертов, в числе коих был и незабвенный Фёдор Бурлацкий. Кстати, именно он предложил поддержанный Куусиненом тезис о перерастании диктатуры пролетариата в общенародное государство. Отто Вильгельмовича делают Героем социалистического труда. Он входит в партийный ареопаг – выступает как член Политбюро ЦК КПСС.

Он-то растёт – а вот страна начинает падать.

XX съезд КПСС стал самоубийственным для СССР шагом. Особенно в сочетании с жестоким подавлением венгров в тот же год. Москва тем самым сказала миру: «Да, я жестокая, кровавая и бессмысленная, моя недавняя история – суть маниакальная жестокость и сплошной ГУЛАГ; кошмар, который нужно поскорее забыть». Происходит отказ от сталинского духа: мы – лучшие в мире, мы можем построить жизнь лучше западной – и Западу придётся нас догонять. Мы ещё бедны, но в социальном отношении – впереди всего человечества. Наоборот, после XX съезда всей стране прививается комплекс национальной неполноценности. Это нам нужно догонять Запад, ибо мы –

всего лишь ухудшенная его модель. Не нужно творить самим: надо лишь рабски копировать западные достижения.

Уходит дух Победы 1945 года, когда русские получили уверенность: «Мы можем всё!» Теперь же, наоборот, начинает исподволь насаждаться дух преклонения перед Западом. Один их куусиненско-андроповских выдвиженцев тех времён, будущий прораб горбачёвской перестройки Фёдор Бурлацкий, слегка кокетничая, вспоминает: *«В 1956 году пятьсот человек из различных партийных учреждений, главным образом из печати, были усажены на теплоход „Победа“ и проехали от Одессы до Ленинграда. Я впервые увидел Европу, её архитектуру, её дороги, её театры, людей. Всё, что писалось у нас о Западе, выглядело дикой ложью. Домой вернулся законченным западником. Я был молод, смел, неосторожен, хотя в то горячее время призадуматься было над чем. Прочитав мои теории о возможности мирного перехода западных стран к социализму, главный идеолог Суслов высказался коротко и ясно: статья односторонняя, может быть мирный путь, но может быть и немирный путь. Несмотря на это, меня стали приглашать сразу в два отдела ЦК: к Пономарёву, по международным делам, и к Андропову, по странам социализма. Встреча с Андроповым оказалась главной, но и роковой для всей моей жизни...».*

Таким образом, перед нами – поверхностный человек, который впал в прозападный раж, едва увидев поверхностную, парадную сторону европейской жизни. Он не понимает, что Россия в 1917 году пережила страшную цивилизационную катастрофу, что она тогда превратилась в обречённую страну – и Сталину пришлось выволакивать её буквально с того света за волосы. Он не хочет даже допустить мысли о

том, что русские с их громадным творческим потенциалом способны создать цивилизацию более совершенную и качественную, чем западная. Которая, кстати, в XX веке не переживала катастрофы, подобной той, что постигла нас (об этом написано в книге автора этих строк – «Низшей расе»).

Именно такие люди приходят в идеологический аппарат ЦК КПСС при Куусинене. Помните, какую роль сыграл в крушении страны и сдаче её позиций директор Института США и Канады, верный горбачёвец Георгий Арбатов? Давайте проследим его путь. Сын старого большевика и работника Наркомвнешторга, он заканчивает факультет международных отношений МГУ (будущий МГИМО). После – работает в Издательстве литературы на иностранных языках, потом уходит в журнал «Вопросы философии», затем переходит в англоязычный журнал (детище Куусинена) «Нью Таймс». Он формально принадлежит ВЦСПС (советским профсоюзам) и используется для рискованных публикаций «на экспорт», которые неуместны для партийно-государственной печати СССР. Именно там Арбатов замечен Куусиненом, становится его консультантом (интересно, где это Арбатов успевае набраться недюжинного опыта с международных делах?), работает в журналах «Коммунист», «Проблемы мира и социализма», в Институте мировой экономики и международных отношений. А в мае 1964 года Г. Арбатова забирает к себе ближайший соратник Куусинена – секретарь ЦК КПСС, курирующий отношения с социалистическими странами: Юрий Андропов. Вокруг него начинают кучковаться будущие горбачёвцы и перестройщики: Олег Богомолов, Александр Бовин, тот же Фёдор Бурлацкий.

А до этого Куусинен всю двигает вперёд Ю. Андропова. 1954 – 1957 годы – Андропов работает

послом в Венгрии. Потом он последовательно становится главой отдела социалистических стран ЦК КПСС, членом ЦК, затем – секретарём Центрального комитета. Куусинен и Андропов открывают дорогу Ф. Бурлацкому, Г. Бовину и другим «экспертам», проникнутым прозападными настроениями и совершенно не знающим реальной жизни в стране, никогда не занимавшим ответственных постов там, где требовалось реальное дело и реальные результаты. Начинает складываться «референтократия» – власть всяких помощников и авторов докладов для первых лиц, каковые никогда в жизни не работали в реальных проектах вроде атомного, но обладали бойким пером и огромным самомнением. (Продолжение той же тенденции – современная «сурковщина»). Эти деятели судили о Западе по туристическим поездкам, ничего своего придумать не могли и только млели перед новомодными теориями, идущими с того же Запада.

Таков был самый горький плод «исторического» XX съезда, к каковому приложил руку незабвенный Отто Куусинен. Именно он в 1950-е годы начинает определять идеологию СССР. Становится членом президиума и секретариата КПСС. По предложениям Куусинена и его присных в 1959 – 1961 гг. разрабатывается новая программа партии (коммунизм – к 1980 году). Начинается пора самых левацких, троцкистско-кавалерийских «реформ» в экономике и социальной сфере. Залихватски ликвидируются кооперативный сектор в народном хозяйстве, приусадебные участки колхозников, начинается тупая «дай-дай!» конверсия в ВПК. Без всякой подготовки сокращаются Вооружённые силы, причём никто не заботится о трудоустройстве уволенных офицеров. Под нож идут новые корабли и боевые самолёты: происходит некая «горбостройка-1». При этом огромные

ресурсы вбухиваются в распашку казахстанских степей (эпопея целины) – вместо того, чтобы быть вложенными в чернозёмный пояс Украины и РСФСР, в Причерноморье, Орловщину, Кубань и Ставрополье. При том, что урожайность на целине падает, ветры в Казахстане уносят плодородный слой земли, собранное зерно негде хранить и нечем вывозить. Разворачивается и позорно-идиотская «кукурузная истерия».

На место вдумчивых преобразований в народное хозяйство приходит «красногвардейская атака» на проблемы. Страна принимается завозить зерно из-за рубежа. Создаётся шизофрения: всё ещё самоотверженно работают инженеры и творцы, обеспечивая колоссальные успехи СССР в энергетике, строительстве, химии, металлургии, атомной отрасли, в космосе, в образовании. Они поднимают всё новые и новые промышленные гиганты, создают передовую на тот момент вычислительную технику и т. д. С другой – во власти заводятся черви гниения, которые обслуживают власть. Она принимает идиотские решения – и эти же черви, мастурбируя на картинки Запада, критикуют систему за неэффективность. Складывается «пятая колонна» будущих разрушителей Союза. Грядущий соратник Горбачёва и Ельцина, идеологический чиновник ЦК КПСС Александр Яковлев в 1958 – 1959 году едет «стажироваться» в Колумбийский университет (Вашингтон), в средоточие американского масонства и разведслужб. Вот только в чём он ехал стажироваться-то? Вместе с ним туда же на стажировку едет будущий генерал КГБ Олег Калугин. Потом он станет двигаться по служебной лестнице Андроповым. Надеюсь, все помнят, что потом сделает Калугин...

Вот что выходит из «шинели Куусинена» в те годы.

Мастер поражений

Куусинен при Хрущёве участвовал и в формировании внешнеполитического курса страны во время кубинского ракетного кризиса 1963 года. В этот момент вбивается клин между СССР и Китаем, раскалывается их геополитический блок – и СССР получает «второй фронт» противостояния на Дальнем Востоке.

Именно тогда закладываются основы самой саморазрушительной для СССР левацкой внешней политики. На смену национально-государственным интересам приходит дурацкая идеология. Огромные ресурсы вбухиваются в третий мир и тамошних «строителей социализма» – вместо того, чтобы строить реально лучшую жизнь у себя дома. (Ведь это было бы лучшим оружием СССР в борьбе за мировую гегемонию – вспомним, как картины уютной Европы превращали наших бурлацких в поклонников Запада). Москва начинает поддерживать слом западноевропейских колониальных империй, хотя в наших интересах было бы их сохранение. Ведь тем самым объективно открывалась дорога экспансии доллара и американского капитала. Зато оказалась похороненной сталинская идея: создания альтернативы доллару в виде расчётной валюты стран советского блока и присоединившихся к нему стран Азии и Европы. СССР превращается в дойную корову для хитрецов из третьего мира.

Нам скажут, что нельзя вешать всех собак на несчастного Отто Вильгельмовича, умершего от рака в мае 1964 г. Что дурацкие решения в экономике принимали совсем иные люди. Ну хорошо, возьмём тогда сферу прямой ответственности Куусинена в его постсталинский период жизни. Идеологию. Пропаганду и агитацию. А если говорит в общем – создание смыслов для страны. Что мы здесь видим?

Полный провал. В идеологии с 1950-х годов идёт откровенная сдача позиций Западу. Вместо живого слова и новых форм работы – начётничество. США начинают экспорт в СССР не только мод и стилей, но и своих смыслов. Идеологи Союза оказываются бессильными дать собственной молодёжи образцы альтернативной молодёжной моды, музыки, новых форм досуга. Стиляги в столице и больших городах торжествуют над комсомольцами. Джаз, бит и рок-н-ролл захватывают морально-психологическое господство. И хотя русские ещё смотрят прекрасные советские фильмы, гордятся достижениями страны в космосе, захлѐб читают книги-«репортажи из будущего», перелом в худшую сторону происходит. Часть молодёжи уже устраивает пляски голыми на кладбищах. Кажется, титанический гений Ивана Ефремова может дать новую жизнь Красному смыслу. Но его возможности не используют и на 10 процентов, великолепная фантастическая литература СССР низводится на положение Золушки.

А в среде молодых интеллектуалов «при ЦК КПСС» уже начинается повальное увлечение иностранными обществоведческими и экономическими теориями. Своего придумать они не могут – и уже покоряются интеллекту противника.

Таким образом, при Куусинене-идеологе мы получаем первое идеологическое поражение. В стране поселяются интеллектуальные «вирусы» разложения, распада, национальной неполноценности. За Куусиненом идёт новая поросль «интеллектуалов» – «прорабов развала». С Ю. Андроповым во главе.

Альтернатива

Была ли альтернатива самоубийству, совершённо-му на XX съезде КПСС и в дальнейшем?

Была. В сентябре 2009 года автору этих строк довелось участвовать в международной конференции, посвящённой параметрам мира после кризиса. И очень мне запомнилась речь китайского профессора-политолога о прошлом и будущем КНР. Господи, я просто позеленел от зависти, когда он принялся рассказывать о периоде правления Мао Цзэдуна, для Китая – аналоге сталинской эпохи. Наши на таких мероприятиях заходятся в истерично-мазохистском угаре. Невинные миллионные жертвы! Слом органического развития! Репрессии! Ужасы ГУЛага и коммунизма! Вот если бы не 1917 год и не Сталин!

А китаец деловито показывал слайды и говорил уверенно, без всяких мазохизма и самоуничужения. Да, были проблемы и ошибки. И жертвы тоже. Но на самом деле – лазерный зайчик летает по слайдам – при Мао шло грандиозное строительство дорог, мостов, водохранилищ, электростанций, вообще инфраструктуры. Возник огромный слой технически и научно грамотных людей. Современная медицинская система. Средняя продолжительность жизни в 1949 – 1976 гг. росла темпами, которые намного превосходят эти же показатели после начала рыночных реформ 1978 года. «Период правления Мао подготовил нашу страну к впечатляющему рывку, достигнутому в последние тридцать лет!» – завершил свой доклад китайский профессор.

И подумалось: вот она, разумная альтернатива тому, что произошло у нас благодаря всяким хрущёвым, куусиненам, андроповым. Никакого «разоблачения культа личности». Никакого мазохизма и прививания комплекса национальной неполноценности. Да, Мао был, его заслуги огромны, он Китай объединил и во-

обще на 60 % действовал верно, на 40 % – неверно. И точка! Вместо того, чтобы тратить время на интеллигентские споры и самобичевания, на дурацкие метания и безответственные эксперименты, китайцы деловито пошли вперёд, применяя продуманные и последовательные реформы. Строя, а не ломая.

Увы, вместо аналога Дэна Сяопина в СССР после 1953 года оказались совсем иные деятели. В том числе и угрюмый Куусинен, который дал сильнейший толчок карьере Юрия Андропова, а через него – и горбачёвщине. Из его «шинели», получается, вышли те, кто похоронит большую русско-советскую Мечту, предаст её. В сущности, он, как пишет его бывшая жена, навсегда остался иностранцем в верхушке СССР, смотревшим на Россию лишь как на средство достижения своих целей...

Чужак в чужой стране...

Продолжим наш экскурс в историю. Изучим теперь биографию «второй ступени» развала – Юрия Андропова...

Юрий Андропов как «вторая ступень» ракеты, поразившей Советский Союз

Организатор великих поражений

Если сравнить историю СССР второй половины XX века с машинной игрой-стратегией, то увидишь: всякий раз в переломных точках игры кто-то упорно сталкивает нас на худший вариант развития событий. На путь неудач, просчётов и поражений. Выбираются самые плохие решения. И почти каждый раз в таких развилках мы видим одну и ту же фигуру: Юрия Андропова (1914 – 1984 гг.). Вернее, сначала Отто

Куусинена с Андроповым, а потом – и одного Юрия Владимировича.

Да-да, того самого, до сих пор популярного, шефа КГБ СССР в 1967 – 1982 гг., а потом – и преемника Леонида Брежнева. Мы можем проследить чёткую цепочку тех, кто готовил и осуществлял развал Советского Союза: Куусинен, Андропов, Горбачёв.

Приглядимся к фигуре Юрия Андропова повнимательнее. И для начала – перенесёмся в Карелию. В апрель 1978 года...

Корейцы над Карелией

20 апреля 1978 года в воздушное пространство СССР над Карелией вошёл южнокорейский самолёт «Боинг-707» с пассажирами на борту. Борт компании КАЛ (рейс № 902) летел по трассе «Париж-Сеул» через Северный полюс. Командир экипажа Ким Чанг Кью – опытный пилот, во время Корейской войны 1950 – 1953 гг. – истребитель, дравшийся с советскими МиГа-15. Опытен был и штурман Ли Чин Син. Позднее они признаются, что действовали по наущению американцев. Самолёт отклонился от установленного воздушного коридора и, следуя на высоте в 9 километров на скорости в 900 км/час в 21 час 19 минут вторгся в воздушное пространство СССР в районе Мурманска. То есть, оказался в самом средоточии советских военно-морских и военно-воздушных баз. Корейцы пёрли курсом на Североморск.

Момент для операции американцы с корейцами выбрали удачный: в тот день шли масштабные учения в 10-й армии ПВО (штаб – южнее Архангельска), с участием сил и средств Северного флота. В воздухе было множество военных самолётов. Североморск –

это и командный пункт флота, и база подводных ракетосцев, и база дальних разведчиков Ту-95РЦ. Возвращаясь из полётов над Атлантикой, их экипажи частенько забывали сменить код ответчика «свой-чужой», сверяясь с графиком его изменения. Так что американцы с корейцами знали очень многое.

Но радары нашей ПВО заметили «Боинг-707» в трёхстах километрах от берега. Цель не отвечала на запросы системы распознавания «свой-чужой». Начался переполох. Не транспортный ли это Ан-12? Не разведчик ли Ту-95, идущий назад? Команды на применение зенитных ракет не дали: может, и вправду свой идёт, забыв сменить код ответчика. Переговорами установили: нет, это – скорее всего чужак. Обстановка была накалённой: в районе учений над морем вились самолёты-разведчики НАТО РЦ-135 (сделанные на базе «Боинга-707») и вражеские противолодочные самолёты «Орион». Так что пассажирский самолёт имел все шансы проскользнуть через границу в этой кутерьме.

С аэродрома Африканда на перехват неизвестной цели поднялся истребитель Су-15 365-го авиаполка, с лётчиком – капитаном Александром Босовым. Тогда же взлетает Су-15ТМ 265-го ИАП в Подужемье (5-я дивизия войск ПВО). Его пилотирует Сергей Слободчиков. Тревога лётчика не удивила: рядом – граница, американские разведчики сюда наведываются часто. В эфире, как вспоминает Слободчиков, стоял гвалт. Сообщения шли из Мурманска и Петрозаводска, все старались командовать разом.

Первым обнаружил самолёт-нарушитель Александр Босов, опознав его как бело-голубой «Боинг-707». Он увидел большие иероглифы на борту четырёхмоторного самолёта. К тому времени корейцы уклонились от назначенного курса на 800 км и не по-

давали сигналов о том, что потеряли ориентацию. По команде с земли Босов выполнял все действия перед самолётом, включал огни, давал предупредительные очереди трассирующими снарядами по курсу нарушителя. Как он сам радировал на КП, едва хвост с красной звездой в форточку кабины пилотов не совал – «а ни морду воротят». И тогда в 21 ч. 42 минуты последовала команда: сбить наглеца ракетой.

Выпущенная А. Босовым, она пошла на самолёт, вошедший в правый разворот. Инфракрасная головка захватила самый горячий двигатель корейца – крайний левый. Но кореец успел завершить поворот, головка ракеты потеряла цель – и сработал её самоликвидатор. Как раз тогда, когда ракета была под левым крылом «Боинга». Взрыв оторвал ему конец крыла (консоль) – примерно три метра. В разные стороны разлетелись осколки. Часть их прошла фюзеляж корейца, убив одного пассажира. (Он умер от потери крови, ему никто не оказал помощи на борту). Потом погибнет ещё один: от инфаркта.

Нарушитель начал снижаться по спирали, явно выискивая место посадки, куда запас скорости это позволял. Всё-таки командир экипажа «Боинга» был пилотом от Бога.

Он смог снизиться до высоты в тысячу метров и стал кружить над местностью, выискивая место для вынужденной посадки. И это – при оторванной консоли левого крыла! Это было уже над Карелией, совсем рядом с финской границей. Здесь он попал в зону действия подужемского 265-го ИАП, от которого в воздухе находился перехватчик Сергея Слободчикова. Он тоже по команде с земли выпустил ракету – по кувыркающемуся в воздухе обломку крыла. Уж больно он походил на экранах радаров на выпущенную нарушителем крылатую ракету.

Сам же «Боинг» продолжал полёт. С оторванной оконечностью крыла и одним заглохшим двигателем он находился в воздухе ещё сорок минут после поражения ракетой. Он играл скоростью, норовил лететь на бреющем, над самыми деревьями. Сбрасывая скорость до самой малой, он делал так, что русские перехватчики проскакивали мимо. И они его потеряли из виду! Пришлось поднимать в воздух новые самолёты 265-го авиаполка, чтобы перекрыть границу с Финляндией и найти нарушителя зрительно. Это удалось сделать капитану Анатолию Керефову: благо – небо было чистым. Он обнаружил самолёт, шедший на фоне земли с выключенными огнями: подбитый, он следовал курсом в 270 градусов к финской границе. Керефов снизился до пятисот метров, корейцы его заметили – и развернулись на 180 градусов, теперь полетев вглубь нашей территории.

– Подхожу к нарушителю с левой стороны, со стороны командира экипажа, подаю условные сигналы. Выполняю, как положено в таких случаях, разворот с пересечением его курса в сторону нашего аэродрома. А он словно меня и не видит, прёт себе дальше. Ну, думаю, так дело у нас не пойдёт. Передал на КП: „Объект не выполнил команду“. Сделал ещё три захода, и каждый раз лётчик самолёта-нарушителя также совершал манёвр. Опытный, как позже выяснилось, был боец Ким Чанг Кью, сражавшийся с нашими „МиГаами“ ещё в корейскую войну. А тогда закралась мысль: возможно, он не видит моих команд и маневрирует, что называется, на всякий случай. Взял и прошёл у него перед носом с включённым форсажем. Теперь-то он должен заметить и следовать туда, куда я показал. Но мой „подопечный“ выполняет разворот опять в другую сторону. Ох, и разозлился я. Набрал высоту, начинаю заходить противнику в хвост. Он тут

же выполняет манёвр в обратную сторону на курс 270 градусов. Но я прочно „сизжу“ у него на хвосте. Занимаю исходную позицию для атаки. Запрашиваю КП: „Команды не выполняет, разрешите уничтожить цель“. С КП: „Подождите минутку“. Через 1 – 1,5 минуты приказывают принудить противника к посадке в районе нахождения, – вспоминает пилот. То есть, нарушитель снова пошёл в сторону Финляндии. С земли не давали команды на добивание цели. Скомандовали: принудить к посадке!

Увидев впереди белое пятно – замёрзшее озеро Копиярви южнее местечка Лоухи – Керефов смог принудить корейцев к посадке на лёд. Он, угрожая столкновением с самолётом, как бы «накрыл» его левое крыло своей правой плоскостью и включил посадочные фары. Начав снижаться, он заставил нарушителя пойти на посадку. Керефов дожимал нарушителя до самой поверхности. Корейцы блестяще посадили почти неуправляемый двухсоттонный самолёт на застывшее озеро – на брюхо. При свидетелях-рыбаках.

Казалось бы, нарушитель взят с поличным. Командира и штурмана самолёта-нарушителя допрашивали офицеры КГБ – военная контрразведка. Они во всём сознались, пели о том, как их инструктировали американцы. Имелись все доказательства того, что перед нами – самая грязная шпионская операция, затеянная как раз в тот момент, когда над районом учений прошли шесть разведывательных спутников США, а в районе манёвров вертелись многочисленные воздушные разведчики. Но... дальше начались странности.

От 20 апреля 1978-го – к 01.09.83 и к Матиасу Русту

Казалось бы, лучшего подарка, чем происшествие 20 апреля 1978 года, СССР получить не мог. Западная печать, ещё не получив толком информации о происшествии, на весь мир сначала взывала о том, что русские уничтожили самолёт со ста двенадцатью пассажирами на борту. Никто сначала и подумать не мог, что корейские пилоты смогут посадить поражённый ракетой пассажирский самолёт в лесистой местности, вне аэродрома. И действительно – то было чудо из чудес. В том числе и подвернувшееся по пути озеро. Но вой смолк, как только стало известно, что СССР приютил пассажиров и дал возможность забрать их спецрейсом «Пан Америкэн».

И Сталин, и Хрущёв разыграли бы ситуацию по полной. Налицо гнуснейшая операция американских и корейских спецслужб, пославших пассажиров почти на верную смерть, прикрывшихся ими, словно живым щитом. Казалось бы: устраивай громкий судебный процесс, снимай документальный фильм и «экспортные» телепередачи, выпускай гневную книгу-разоблачение с фотографиями, выставляй в Москве на всеобщее рассмотрение сам самолёт с пассажирским салоном, забрызганным кровью. Хрущёв в 1960 году сделал то же самое. Когда советская ракета сбивала самолёт-шпион У-2 над Уралом, то было всё: и яростная кампания в СМИ, и выставка обломков машины в Москве, и открытый судебный процесс над пилотом – Пауэрсом. И всемирное клеймение американских «поджигателей войны».

А в 1978-м всё было тихо. Корейских пилота и штурмана никто не судил, на них никого не поменяли – а просто выслали мерзавцев из страны. Не было громких конференций для печати и хорошей кампании в СМИ. Всё было вроде как шито-крыто, Кремль всё спустил на тормозах.

Ходят упорные слухи, будто бы верхушку Кремля уговорил не поднимать излишнего шума не кто иной, как тогдашний шеф КГБ СССР Юрий Андропов. А вот американцы в такой ситуации использовали представившиеся возможности по полной программе.

Дело в том, что история с корейским «Боингом» почти один к одному повторилась 1 сентября 1983 года, когда южнее Сахалина советская ракета прекратила полёт южнокорейского «Боинга-747». И опять: вторжение пассажирского самолёта в особо охраняемые, напичканные военными объектами пространства Советского Союза. Умелые манёвры экипажа (вплоть до полётов на фоне гор ради укрытия от радиолокации), полное молчание пилотов в эфире, неподчинение командам русских перехватчиков. С одной только разницей: на сей раз всё закончилось полностью трагически – и никто из пассажиров не спасся.

Видимо, американцы хорошо изучили опыт 1978 года. Они знали, какой переполох поднялся в военном и высшем политической руководстве Красной России в апреле 1978 года. Как никто из пилотов-перехватчиков не был даже награждён. Как ПВО и пилотов замучили проверками и объяснительными. А самое главное – стало очевидно, что Кремль не хочет делать никаких резких движений. Не желает «выносить сора из избы». И тогда они решили повторить удачный опыт – уже в 1983 году, в разгар нового витка холодной войны.

Ожидания американцев полностью оправдались. Кремль, во главе коего стоял «грозный» Андропов, сыграл в грандиозные поддавки. Сначала официальные советские СМИ заявили о том, что самолёт нарушил границу страны, не отвечал на запросы нашей ПВО и просто «исчез с экрана радара». Над этим в тот же вечер в голос смеялась вся страна: было ясно, что

нарушителя сбили. И в глазах всего мира Кремль выставил себя и ослом, и лжецом. Потом факт уничтожения «Боинга» признали. Но на конференции для СМИ Андропов не пришёл: он выдвинул отдуваться за всё начальника Генштаба Николая Огаркова. Ложь в самом начале сделала невозможной разоблачительную кампанию в СМИ, как в 1960-м.

Зато США развернулись на всю катушку. Разыгралась бешеная кампания – «СССР как империя зла», европейцы окончательно сдались и разрешили Америке развернуть у себя ракеты средней дальности, президент Рейган получил карт-бланш на развёртывание гонки космических вооружений. В конечном итоге, все обернулось гибелью СССР. 1 сентября 1983 года стало одним из самых сокрушительных поражений нашей страны на информационно-пропагандистском фронте. И это – целиком на совести Юрия Андропова, верного ученика Отто Куусинена. Он откровенно подыграл Вашингтону.

Ну, и в заключении – роковое 28 мая 1987 года. Андропов уже покоится в могиле, но правит его протеже – Михаил Горбачёв. Страна получает ещё один морально-психологический удар. Немец Матиас Руст на легкомоторной «Сессне», вылетев из Финляндии, приземлился в Москве на Красной площади. Сегодня мы знаем, что Руста вели и могли сбить, но, с одной стороны, никто «наверху» не отдал такого приказа, а с другой – после 1 сентября 1983 года военные были так затюканы, что не решались отдавать приказа на уничтожение невоенных самолётов.

Кроме того, ПВО вообще не рассчитано на ловлю легкомоторных «блех». Например, в те же годы лёгкие самолёты с грузом наркотиков легко летали через границы США – но никто по сему поводу не вопил. А вот в СССР полёт Руста имел самые катастрофические по-

следствия. Русские оказались деморализованными: выходит, наша обороноспособность – фикция? Выходит, мы зря отказывали себе во многом, отдавая столько денег и ресурсов военным? То же самое творилось и в мире: глядите-ка – СССР сгнил. Он – колосс на глиняных ногах! Его военная сфера – это блеф и неконкурентоспособность.

Пользуясь этой истерией, Горбачёв и его присные устроили настоящую чистку в Вооружённых силах. В отставку отправили 120 генералов. Возвращаясь с заседаний Политбюро горбачёвский прихвостень Александр Яковлев хвастливо потрясал руками: мол, они по локоть в крови военных. На пост министра обороны поставили покорного Горбачёву Язова. Того, кто потом беспрекословно будет переводить войска из Германии в чистые поля в глубине России, оставляя военных без жилья и элементарных условий службы. Тот, кто послушно пойдёт на всяческие односторонние разоружения и сокращения. Тот, кто не решится подавить ельцинщину в августе 1991-го.

Как видите, полёт Руста себя полностью окупил и оправдал. И в том, как Кремль играл здесь в поддавки с Западом, и в том, как всё это использовали для внутривнутриполитических игр в СССР, чувствуется почерк на тот момент уже покойного Юрия Владимировича...

Но это – всего лишь часть из «славных дел» Андропова. Впрочем, пойдём-ка с самого начала...

Андропов и его «ложа»

Ложа (1957 – 1967)

«Какое нам, нынешним жителям России, Украины и т.д. до перипетий судьбы давно умершего партийного босса Андропова? Ведь уже нет самого Советского

Союза, у нас другие заботы!» – скажут нам читатели. И будут неправы. Именно в 1957 – 1967 годах, друзья, Куусинен и Андропов работают в теснейшей связке, создавая настоящую ложу. Или «пятую колонну». Или «внутреннюю партию». Проще говоря, сообщество тех, кто потом станет окружением Горбачёва и произведёт страшные разрушения, приведя нас к величайшей трагедии 1990-х годов. Эти люди с тех лет станут впрыскивателями яда в кровь страны и народа, разносчиками умственной заразы. А в 50-е и 60-е годы народится на свет поколение «младореформаторов» (Чубайс – 1955 г.) и олигархов (Абрамович – 1966 г.), которое будет расти в атмосфере, созданной «старшими товарищами». Нити из тех лет прямо тянутся к нынешней «элите».

Но давайте продолжим наше повествование.

Итак, после успешной работы в Венгрии (большая кровь пролилась, СССР получил ещё один морально-психологический удар, ненависть к русским в Центральной Европе подпитана, трещина в стане социалистических стран появилась), Юрий Андропов в 1957 году уходит с должности посла в Будапеште и едет в Москву. Его назначают в аппарат ЦК партии – заведующим отделом социалистических стран. Это – уже тяжеловесный аппаратный пост. Нет никакого сомнения, что здесь сработала «мохнатая лапа» Отто Куусинена – он с июня 1957 г. работает секретарём ЦК КПСС по международным делам, занимаясь, в общем, прежним «коминтерновским» делом. Куусинен выступает серым кардиналом при Хрущёве, ведая не только международной политикой, но и идеологией.

Андропов ведает всеми соцстранами. Формально он подчиняется идеологу Михаилу Суслову. Андропов предлагает кадровые расстановки в Центральной Ев-

ропе. На XXI съезде КПСС (коммунизм – к 1980 году!) в 1961-м его делают членом ЦК КПСС, каковым он останется вплоть до кончины в 1984 году. С 23 ноября 1962 г. Андропов – секретарь ЦК (до 21 июня 1967 г.) Иными словами, он шагает вверх по карьерной лестнице стремительно и успешно. В тот момент они вместе с Куусиненом создают при ЦК группу молодых интеллектуалов-консультантов во главе с Фёдором Бурлацким. Поборников реформ, так сказать. В ложу Куусинена-Андропова входят Георгий Арбатов, Александр Бовин (будущий речеписец Брежнев), Георгий Шахназаров и другие. (Арбатова, этого подельника Горбачёва, вытаскивает в высшие сферы сам Куусинен). В 1964 – 1967 годах Георгий Арбатов возглавляет группу консультантов при ЦК КПСС, с 1967 года – становится директором специально созданного Института США и Канады. Через него идут почти неофициальные контакты с американской стороной, с тамошним масонством.

Г. Арбатов – важнейший элемент андроповской «ложи», сумевший установить тесные связи с американской закулисой. В относительно недавнем интервью Олегу Кашину академик проговорится:

«В декабре 1992 года во время Съезда народных депутатов, на котором стало уже понятно, что конфликт между президентом и парламентом неизбежен, я сказал Ельцину, что не понимаю, зачем он осознанно идёт на конфронтацию. Он отвечает: „У меня к вам тоже есть вопросы“. Достает бумагу: „Строго секретно, в ЦК КПСС. Предложить тов. Арбатову использовать личные связи с Киссинджером для форсирования встречи в верхах. Андропов.“ Смотрит на меня Ельцин и говорит: „Вот вы работали на КГБ, а теперь пытаетесь меня чему-то

учить“. Я говорю: „При чём тут КГБ, вы на год посмотрите, Андропов тогда ещё в ЦК работал“...»

То есть, контакт двух евреев – Арбатова и Киссинджера – существовал как минимум с середины 1960-х годов. В будущем Арбатов становится идеологом той вакханалии сдачи позиций страны, что произойдёт в 1986 – 1991 году. Одна из «заслуг» этого куусинено-андроповского выдвиженца – подписание договора о сокращении стратегических наступательных вооружений СНВ-1 в 1991 году. Согласно нему, над стратегическими ядерными силами СССР, а затем и РФ был введён де-факто внешний контроль. Подвижные сухопутные носители русского ядерного оружия – фактически прикованы к местам постоянного размещения.

Но это будет уже при Горбачёве. А пока Г. Арбатов набирает аппаратный вес в пору хрущёвских реформ.

Другие примеры биографий наших героев? Пожалуйста. Андрей Александров-Агентов. В 1963 – 1964 годах – сотрудник аппарата Центрального комитета партии по международным делам. С 1964 г. по 1986 г. – помощник по международным делам Генерального секретаря ЦК КПСС. То есть, куусиненов кадр, приставленный к Брежневу, что правил страной в 1964 – 1982 гг.

А вот Вадим Загладин, что с 1964 года трудился в аппарате ЦК: консультант, руководитель группы консультантов международного отдела. Советник Андропова. При Горбачёве – звезда экрана и либеральных газет. Кадр Куусинена – выходец из журнала «Новое время», с 1964 года подхвачен Андроповым и работает по 1988 г. в международном отделе ЦК. Соавтор речей для генсека Л. Брежнева. Ярый клеветник на Сталина. Владимир Тольц, один из самых одиозных коммента-

торов радио «Свобода», высказался о нём так: *«В последние советские годы некоторые знатоки на Западе чтили его как одного из отцов мировой политики советского коммунизма. В общем-то, он таковым и являлся. Обладая обширными познаниями, незаурядными лингвистическими способностями и поразительной производительностью, Вадим Валентинович ещё с брежневских времён стал неизменным соавтором внешнеполитических пассажей приписываемых советским генсекам «нетленок» и, кроме того подписанных его собственным именем сотен сочинений по проблемам международного коммунизма и мировой политики...»*

Словом, из-за Куусинена и Андропова в годы хрущёвских реформ закладывается основа огромной власти докладчиков и консультантов: людей, умеющих только умно писать, но ни разу в жизни не работавших в реальных проектах, не нюхавших пороху, не нёсших ответственности за людей и за порученное дело. Подленькой породы, что в статьях и докладах воспевали СССР и социализм, а дома говорили совсем иное. Тот же Бурлацкий всего за одну поездку-круиз по Европе стал ярым западником. Вот так просто, помещански. Странно, но и отец мой, и я тоже видели западную жизнь, живя в СССР. Одесса, как-никак – контактная зона, где советское встречалось с иностранным. Но если у нас картины западной жизни вызвали жгучее желание сделать жизнь русских лучше западной, если мы понимали, какие возможности для этого заложены в русско-советской цивилизации, то Бурлацкий капитулировал сразу. Хотя во время круиза между Балтикой и Чёрным морем видел только краешек Европы 1956 года, причём наименее затронутый войной, не знавший страшных разрушений и жуткого геноцида, выпавшего на долю русской земли в Вели-

кую Отечественную. Что мог посоветовать такой субъект?

В эпоху Хрущёва приходят новые деятели. Они уже ненавидят Союз и брезгливо морщатся от него. И это в то время, когда на Западе поражены высочайшими темпами нашего развития, когда запуск первого спутника в 1957 году заставляет американцев говорить о своём отставании. Когда США вынуждены создавать при Пентагоне ДАРПА – Департамент передовых разработок, причём именно для того, чтобы не проиграть соревнование с Советским Союзом.

Как закалялись агенты влияния

Сергей Семанов в книге «Семь тайн генсека с Лубянки» пишет:

«...„Первая моя встреча с Юрием Владимировичем Андроповым, – писал в своих воспоминаниях Фёдор Бурлацкий, – состоялась в начале 1960 года. Был он тогда одним из заведующих в одном из многих отделов ЦК. И я почти ничего не слышал о нём до того, как стал редактировать его статью в журнале «Коммунист». Он пожелал встретиться со мною непосредственно... Он уже тогда носил очки, но это не мешало разглядеть его большие голубые глаза, которые пронзительно и твёрдо смотрели на собеседника. Огромный лоб, большой внушительный нос, толстые губы, его раздвоенный подбородок, наконец, руки, которые он любил держать на столе, поигрывая переплетёнными пальцами, – словом, вся его большая и массивная фигура с первого взгляда внушала доверие и симпатию. Он как-то сразу расположил меня к себе ещё до того, как произнёс первые слова.

– Вы работаете, как мне говорили, в международном отделе журнала? – раздался благозвучный голос.

– Да, я заместитель редактора отдела.

– Ну и как вы отнеслись бы к тому, чтобы поработать здесь у нас, вместе с нами? – неожиданно спросил он.

– Я не думал об этом, – сказал я... – Не уверен, что буду полезен в отделе. Я люблю писать...

– Ну, чего другого, а возможности писать у вас будет сверх головы. Мы, собственно, заинтересовались вами, поскольку нам не хватает людей, которые могли бы хорошо писать и теоретически мыслить...“

Данный мемуарист был слабеньким журналистом либерального окраса, он из числа тех «шестидесятников», которые дома на кухне бранили советскую власть, а в рабочее время – воспевали её в своих никому не нужных статейках. И хоть носил Бурлацкий имя русское, все знакомые знали его истинное происхождение.

Теперь предоставим слово другому „воспоминателю“ из ближнего окружения Андропова...

„Вот как состоялось наше знакомство, – писал Георгий Шахназаров. – Когда меня пригласили в большой светлый кабинет с окнами на Старую площадь, Юрий Владимирович вышел из-за стола, поздоровался и предложил сесть лицом к лицу в кресла. Его большие голубые глаза светились дружелюбием. В крупной, чуть полноватой фигуре ощущалась своеобразная „медвежья“ элегантность... Он расспросил меня о работе журнала „Проблемы мира и социализма“, заинтересовался семейными обстоятельствами, проявил заботу об устройстве быта и одобрительно отозвался о последней моей статье. Затем переменял

тому, заговорил о том, что происходит у нас в искусстве, проявив неплохое знание предмета.

– Знаешь, – сказал Андропов (у него, как и у Горбачёва, была манера почти сразу же переходить со всеми на „ты“), – я стараюсь просматривать „Октябрь“, „Знамя“, другие журналы, но всё же главную пищу для ума нахожу в „Новом мире“, он мне близок.

Поскольку наши вкусы совпали, мы с энтузиазмом продолжали развивать эту тему, обсуждая последние журнальные публикации... Мы живо беседовали, пока нас не прервал грозный телефонный звонок. Я говорю грозный, потому что он исходил из большого белого аппарата с гербом, который соединял секретаря ЦК непосредственно с «небесной канцелярией», то есть с Н.С. Хрущёвым. И я стал свидетелем поразительного перевоплощения, какое, скажу честно, почти не доводилось наблюдать на сцене. Буквально на моих глазах этот живой, яркий, интересный человек преобразился в солдата, готового выполнять любой приказ командира. В голосе появились нотки покорности и послушания. Впрочем, подобные метаморфозы мне пришлось наблюдать позднее много раз. В Андропове непостижимым образом уживались два разных человека – русский интеллигент в нормальном значении этого понятия и чиновник, видящий жизненное предназначение в служении партии. Я подчёркиваю: не делу коммунизма, не отвлечённым понятиям о благе народа, страны, государства, а именно партии как организации самодостаточной, не требующей для своего оправдания каких-то иных, более возвышенных целей“.

Выразительная характеристика, ничего не скажешь! Отчётливо выражена «раздвоенность» Андропова – либерал для «своих» и послушный партисполнитель для высшего начальства. И это вовсе не

пристрастие осведомлённого мемуариста. Нет, таким „двойным“ и скрытным Андропов был во все долгие лета своего неуклонного восхождения на верх, к самой-самой вершине. Это подтверждается всеми другими подобными свидетельствами. Всеми без исключения.

„Я был приглашён консультантом в отдел Ю.В. Андропова в мае 1964 года, – писал в своих воспоминаниях Георгий Арбатов. – Могу сказать, что собранная им группа консультантов была одним из самых выдающихся „оазисов“ творческой мысли того времени... Очень существенным было то, что такую группу собрал вокруг себя секретарь ЦК КПСС. Он действительно испытывал в ней потребность, постоянно и много работал с консультантами. И работал, не только давая поручения. В сложных ситуациях (а их было много), да и вообще на завершающем этапе работы все „задействованные“ в ней собирались у Андропова в кабинете, снимали пиджаки, он брал ручку – и начиналось коллективное творчество, часто очень интересное для участников и, как правило, плодотворное для дела. По ходу работы разгорались дискуссии, они нередко перебрасывались на другие, посторонние, но также всегда важные темы. Словом, если говорить академическим языком, работа превращалась в увлекательный теоретический и политический семинар. Очень интересный для нас, консультантов, и, я уверен, для Андропова, иначе он от такого метода работы просто отказался бы. И не только интересный, но и полезный... Андропов был умным, неординарным человеком, с которым было интересно работать. Он не имел систематического формального образования, но очень много читал, знал и в смысле эрудиции был, конечно, выше своих коллег по руководству. Кроме того, он был талантлив. И не только в

политике. Например, Юрий Владимирович легко и, на мой непросвещённый взгляд, хорошо писал стихи, был музыкален, неплохо пел, играл на фортепьяно и гитаре. В ходе общения с консультантами он пополнял свои знания, и не только академические. Такая работа и общение служили для Андропова дополнительным источником информации, неортодоксальных оценок и мнений, то есть как раз того, чего нашим руководителям больше всего и недоставало. Он всё это в полной мере получал, тем более что с самого начала установил (и время от времени повторял) правило: «В этой комнате разговор начистоту, абсолютно открытый, никто своих мнений не скрывает. Другое дело... когда выходишь за дверь, тогда уж веди себя по общепризнанным правилам“.

Этот завет Андропова своему близкому сотруднику особенно выразителен: за пределами кабинета свой „либерализм“ придерживай... Куда уж откровеннее!

„Я очень быстро убедился, – свидетельствует Фёдор Бурлацкий, – что, какой бы ты ни принёс текст, он всё равно будет переписывать его с начала и до конца собственной рукой, пропуская каждое слово через себя. Всё, что ему требовалось, – это добротный первичный материал, содержащий набор всех необходимых компонентов, как смысловых, так и словесных. После этого Андропов вызывал несколько человек к себе в кабинет, сажал нас за удлинённый стол, снимал пиджак, садился сам на председательское место и брал стило в руки. Он читал документ вслух, пробуя на зуб каждое слово, приглашая каждого из нас участвовать в редактировании, а точнее, в переписывании текста. Делалось это коллективно и довольно хаотично, как на аукционе. Каждый мог

предложить своё слово, новую фразу или мысль. Ю.В. принимал или отвергал предложенное...

Он любил интеллектуальную политическую работу. Ему просто нравилось участвовать самолично в писании речей и руководить процессом созревания политической мысли и слова. Кроме того, это были очень весёлые застолья, хотя подавали там только традиционный чай с сушками или бутербродами. «Аристократы духа» (так называл нас Ю.В.) к концу вечерних бдений часто отвлекались на посторонние сюжеты: перебрасывались шутками, стихотворными эпиграммами, рисовали карикатуры. Ю.В. разрешал всё это, но только до определённого предела. Когда это мешало ему, он обычно восклицал: «Работай сюда!» – и показывал на текст, переписываемый его большими, округлыми и отчётливыми буквами“.

Несостоявшийся политик, писатель-неудачник Бурлацкий всегда был откровенно глуповат, не избегал он этой черты и здесь. Никакого отношения к «аристократии», тем паче духовной, он и его компания не имели даже отдалённо, все они были простыми советскими карьеристами, только с либерально-еврейским кукишем в кармане. А вот выражение Андропова «Работай сюда» есть чисто одесский жаргон. Остаётся только догадываться, где он мог его подцепить...

Общались новоявленные «аристократы духа» и с патроном Андропова.

„О.В. Куусинен, – писал Арбатов, – был прекрасным учителем. Вопреки возрасту, это был человек со свежей памятью, открытым для нового умом, тогда очень непривычными для нас гибкостью мысли, готовностью к смелому поиску. Ну а кроме того, он думал. Честно скажу, я впервые познакомился с человеком, о котором можно было без натяжек сказать:

это человек, который всё время думает... То, что Куусинен думал, в общении ощущалось почти физически: ты чувствовал, что за каждым словом собеседника стоит работающая, всё время проверяемая и шлифуемая мысль, что каждый твой вопрос, твою реплику человек серьёзно обдумывает, взвешивает, оценивает. Тем, кто понял это, говорить, работать с Отто Вильгельмовичем было поначалу хотя и интересно, но сложно, несмотря на его – тоже тогда для начальства очень непривычные – простоту, доступность, демократизм. Ибо ты всегда был в напряжении, начеку, остерегался непродуманных слов. Потом почти все мы, видимо поняв, что лучше, чем мы есть, мы показаться «старикам» (так его все называли за глаза) не сможем, начали себя вести естественно. Но при этом все становились хоть чуточку умнее – в присутствии сильного интеллекта, взаимодействуя с ним, сам невольно мобилизуешь свои резервы и возможности...

И ещё одно открытие, которое ожидало каждого, кто работал с Куусиненом, – новое представление о политике, новое для нас, чьи умы были замусорены и притуплены долгими годами сталинизма. В общении с этим человеком открывалось понимание политики как сложного творческого процесса, сочетающего ясное представление о цели с постоянно выверяемым поиском методов и средств, стратегию с тактикой, науку с искусством (поясняя последнее, Куусинен как-то поразительно точно заметил: «В политике важно не только знать, но и уметь»). Словом, то, о чём раньше мы иногда читали, но либо не воспринимали, либо воспринимали как теоретическую абстракцию, в разговорах с Отто Вильгельмовичем обретало плоть.

Куусинен был живым носителем очень хороших, но ставших для нас к тому времени ужасно далёкими

традиций европейского рабочего движения, ранней «левой» социал-демократии, зрелого ленинизма, лучших периодов Коминтерна (в частности, его VII конгресса). Добавьте ко всему этому высокую культуру (помимо всего другого он писал стихи, сочинял музыку, немало времени отдавал литературоведению)“.

Присмотримся к сдержанным оценкам тайного советника. Опустим многословные комплименты, тем паче что о литературных и музыкальных достижениях финского коммуниста ничего не известно. Главное тут, что он был продолжателем традиций «зрелого ленинизма» и «лучших периодов Коминтерна». Что это означает в переводе с иврита „премудрых“ на простой русский язык „профанов“? Да это тоска Арбатова и присных по двадцатым – началу тридцатых годов, когда в Советской России свирепствовала шайка „интернационалистов“ (включая Куусинена), крушившая русскую корневую культуру и религию, уничтожавшая физически её носителей. То есть то же самое, что в откровенной форме произошло в годы пресловутых „реформ“.

Вот почему с таким восторгом глядели на престарелого финского революционера-разрушителя Арбатов и его коллеги, окружавшие тогда сумрачного и молчаливого Андропова. То-то все они сперва тайно, а потом явно так не любили негуманного Сталина, который весь этот мир разрушителей-революционеров обрушил на их же головы...»

Так пишет С. Семанов. Ну, чего будут стоять нам «творческие способности» всех этих деятелей, мы хорошо знаем по истории сначала 1985 – 1991, а затем и 90-х годов. Бовин, Шахназаров, Загладин, Бурлацкий, Арбатов – все эти имена почти ничего не скажут нынешнему молодому читателю. Но моё поколение прекрасно помнит, как эти люди буквально заполняли

собой телеэфир и газетно-журнальные полосы при Горбачёве. Как плели словеса на фоне катастроф, сдачи позиций страны по всем направлениям, первых потоков крови и беженцев.

Творцы,... твою мать! В 1998 году случилось мне быть в Голландии – в командировке. Вместе с А. Бовиным – бывшим сподвижником Андропова, бывшим речеписцем Брежнева, бывшим послом в Израиле. Выпив, он объявлял себя генералом Империи. Которую, собственно, и помог убить.

Матрица уничтожения

Думаю, что самое чёрное дело Куусинена и Андропова в хрущёвские годы – создание особой психологической матрицы у всего этого племени докладчиков и консультантов. Желание реформировать СССР (а он действительно нуждался в реформах) в мозгах андропово-куусиноидов оказалось крепко-накрепко спаяно с презрением к собственной стране, с раболепием перед Западом, с откровенно интернационал-троцкистскими взглядами. С неверием в силы и возможности русского народа. С какой-то животной ненавистью к науке, технологиям, сложной промышленности.

Потом, при Горби, всё это вылезет наружу по полной программе, обернувшись катастрофической деградацией нашей страны. Какой-то оргией уступок Западу любой ценой. Каким-то остервенелым топтанием национальных русских интересов. Тотальным оплёвыванием отечественной истории, садистским насмехательством над нашими святынями и уже мёртвыми народными героями. Во имя неких «перестройки», «гласности», «демократии», «сближения с цивили-

лизованным Западом» и «общечеловеческих ценностей» твари-горбачёвцы наносили нашей стране страшные раны. До основания крушили уникальные научно-технические и хозяйственные проекты, пускали под нож прекрасную технику, открыто помогали антирусским сепаратистам, закрывали глаза на то, как русских стали резать в Закавказье и терроризировать – в Прибалтике. Их «реформы» обернулись крушением цивилизации, страшным одичанием и потерями, сравнимыми с военными.

Но ведь есть совершенно иные примеры реформ! Тот же красный Китай, учась многому у Запада и смело преобразуя свою экономику, при этом крепко стоял на страже китайского великодержавия. Никто и не думал втаптывать в грязь, цинично осмеивать китайскую историю. Никакие реформаторы КНР ничего не сдавали – только пригребали. И Белоруссия показывает свой пример того, как можно налаживать нормальную жизнь с полными прилавками магазинов – но без разрушения и научно-промышленного потенциала, и самого общества.

А у нас – всё наоборот! Куусинено-андропоиды (позже – горбачёвцы и ельцинисты) всё делали через погромы и катастрофы. С плохо скрываемым презрением к русским и к Великой России, с метанием дерьма в наше прошлое. С изгаживанием национальной души русских. С прививанием им комплексов вины и неполноценности. Впрочем, сам Юрий Андропов всего русского откровенно не жаловал. Матрица «реформатор – непременно западный холуй и русофоб» благополучно прошла сквозь позорно-погромные 1990-е и живёт в РФ нынче. Уже в могилах лежат молодые выдвиженцы Куусинена и Андропова – а матрица действует.

Ещё одно гнусное преступление куусинено-андроповской камарильи – смердяковское использование западных общественных теорий, совершенно неприменимых к русской цивилизации. Сами эти твари ничего придумать не могли, а потому охотно брали с Запада интеллектуальный экспорт. И с западными мерками подступали к нашим реалиям да проблемам. Современный историк Андрей Фурсов, мой коллега по Институту динамического консерватизма, говорит:

«– Увы, отечественные науки об обществе пребывают в глубокой зависимости от Запада. Большинство отечественных исследователей рабски используют чужестранные теории. Только ваш собеседник со своим коллегой написал работу «Русская система», где не использовался ни один западный термин для объяснения отечественной истории. К сожалению, пока это – единственная попытка. А между тем, не может быть и речи о достойном будущем нашей страны в новом веке без завоевания интеллектуального превосходства, без сбрасывания с русских глаз западных научных «шор»!

Задача очень важна! Обратите внимание: когда нацисты и большевики шли и потом пришли к власти, какой была одна из первых вещей, которую они сделали? Они предложили свою науку, альтернативную западной. У нацистов это были их исследования, связанные с расой и т.д. В Советском Союзе то были диамат и истмат. То есть Мишель Фуко был абсолютно прав, когда говорил о «знании-власти». Если ты хочешь играть на мировой арене всерьёз, ты должен предложить такую систему знания, которая будет отражать твои взгляды и твои интересы.

И когда я читаю воспоминания горбачёвских перестройщиков, всяких Черняевых, Шахназаровых и прочее, то вижу: они по простоте душевной захлёб

пишут о том, что уже в 60-е годы разочаровались в марксизме-ленинизме и они встраивали в свои справки генеральным секретарям идеи социологии и политологии. Конечно, отчасти они подвирают, но только отчасти. Смотрите, какая вещь получается: значит советники вождей СССР 60-х годов встраивают в наше знание представления нашего главного противника! Нейтрального знания не бывает вообще. Если ты начинаешь смотреть на мир чужими глазами, ты начинаешь действовать в чужих интересах. Как говорил Тацит, в битве проигрывает тот, кто первым опускает глаза. Вот это и была именно такая ситуация.

Тот, кто собирается выиграть XXI век, должен первым создать новую науку об обществе!» – считает Андрей Фурсов.

Куусинено-андропоиды ничего своего создавать не желали. Они просто играли на руку врагам русских и на интеллектуальном фронте. Порождали опасную умственную зависимость нашей страны от Запада, и в конце концов с помощью его теорий убедили миллионы русских в безнадёжности положения страны. Аккурат в 1980-е, в тот момент, когда сами Соединённые Штаты шатались от напряжения и вполне могли развалиться. Мы об этом неоднократно писали.

Именно из-за Куусинена и Андропова такие особи с конца 1950-х годов не просто появляются: они пересаживаются в самый мозг страны, в средоточие её верховной власти, начиная (пускай и косвенно) определять политику СССР, становясь советниками высшего руководства.

Но это ещё полбеды, читатель! Сегодня можно говорить о том, что руками Куусинена и Андропова во второй половине 1950-х годов, в самом средоточии власти в стране, создаётся не просто сеть агентов за-

падного влияния. Нет! Перед нами – уже откровенно подрывная, антирусская организация.

Нити заговора

Но это – только консультанты, речеписцы и докладчики. А были и фигуры покрупнее. Скажем, из-за Андропова и Куусинена начинается выдвижение «наверх» будущий архитектор перестройки, ближайший сподвижник Горби – Александр Яковлев.

При Горбачёве А. Яковлев сыграет страшную, разрушительную роль. Играя роль главного идеолога СССР, этот кадр обеспечит согласованную работу печати, телевидения и радио (подчиняющихся ЦК КПСС) по морально-психологическому уничтожению страны. Денно и ночью вся мощь СМИ будет внушать людям: история наша – это сплошные ужас и помойка, репрессии и варварство. У миллионов людей попросту «поедет крыша». Яковлев разожжёт истерию вокруг «пакта Молотова-Риббентропа» (в упор не замечая Мюнхенского сговора Запада с Гитлером), сыграет на руку самым антирусским националистам в Прибалтике – и прямо поддержит их движения. Из-за деятельности Яковлева огромное число наших сограждан возненавидит собственную страну, начнётся процесс постемодернистской дегероизации всего и вся, топтание всего возвышенного, распространение недочеловечьего лозунга «Хватит великих идей – дайте колбасы!»

Но это ещё полдела: из-за массивных ударов СМИ в 1987 – 1991 гг. (т. н. «гласность») русским привьют самое страшное: чувство вины и национальной неполноценности. Русские будут объявлены «причиной всех бед и проблем страны». Русских сделают виноватыми перед всеми: поляками, грузинами,

узбеками, евреями, горскими народами. Мы прекрасно помним обстановку тех лет: газеты и эфир каждый день выливали на нас потоки «чернухи», не упоминая ни одно достижение русского народа в XX веке. Нас объявляли «народом рабов», ответственными за все репрессии и голодные годы, за все «ужасы коммунизма», причём делалось оное под управлением идеологического аппарата ЦК КПСС! И это – работа Яковлева, курировавшего идеологию. Одновременно тогдашние «демократические» СМИ откровенно поддерживали русоненавистнических национал-сепаратистов, уже начавших резню русских и этнические чистки. Им давали целые полосы под огромные интервью и хвастливые статьи.

Благодаря такому «ядерному» информационно-деморализующему удару русские сникли. И одновременно – стали существами второго сорта для прочих народов СССР. Быть русским стало позорно и унизительно. Это нам до сих пор отыгрывается. Пал авторитет государствообразующего народа – и разгорелся местечковый сепаратизм. Так что Александр Яковлев успел поработать на «славу». Он и после Горби, в 1990-е, выступал на стороне Ельцина, продолжая ту же линию и создавая, например, телеканал ОРТ.

Последний шеф КГБ СССР Владимир Крючков в книге «Личное дело» писал о А. Яковлеве: *«Я ни разу не слышал от Яковлева тёплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь он сам был участником войны, получил тяжёлое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать всё и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу. И*

ещё – я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие „народ“ для него вообще никогда не существовало...»

Другая фигура тех лет – генерал КГБ Олег Калугин. Он открыто предал страну. С 1974 до 1980 г. Калугин возглавляет внешнюю контрразведку КГБ СССР. При Горбачёве он, уйдя на Запад, нанесёт страшный ущерб разведывательной сети нашей страны.

Вот два разных человека. Что между ними общего? А то, что и Яковлев, и Калугин в 1958 – 1959 годах стажировались в Колумбийском университете США, в одном из центров американской Закрытой сети. Да-да – туда поехал Яковлев (работавший в 1953 – 1956 гг. инструктором ЦК КПСС в отделе школ, науки и вузов, а затем учившийся в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК на куусиненовском направлении: на кафедре международного коммунистического и рабочего движения). И вместе с ним едет молодой (всего 24 года), ещё толком неоперившийся офицер КГБ Калугин. Кто ведает стажировкой в американском университете, кто даёт «добро»? Тот самый международный отдел ЦК КПСС, что возглавляет старик Куусинен.

Примечательно то, что как раз в те годы в Русском институте Колумбийского университета работает Русский институт (советологический центр), где руководит всем ярый ненавистник СССР и всего русского Збигнев Бжезинский. Финансирует институт фонд Рокфеллера. И где учится (стажировался) А. Яковлев в конце 50-х? Правильно – в этом самом Русском институте. Учитывая бешеную антирусскую и антисоветскую деятельность Яковлева в 1980-е (когда он стал вторым после Горби человеком в КПСС), деталь, сами

понимаете – крайне интересная. Говорят, и кличка у Яковлева была – «Папа».

Одновременно во время стажировки в США молодой Олег Калугин якобы удачно вербует советского эмигранта Котлобая, каковой передаёт Калугину большой секрет – технологию производства твёрдого ракетного топлива. Впоследствии окажется, что этот «секрет» был технологической «дезой», явно подсунутый ЦРУ США. Впрочем, и сама «вербовка» Котлобая была, судя по всему, инсценировкой. Но это выяснится позже. А сначала Олега Калугина за «добытый секрет» награждают орденом, начинают продвигать по служебной лестнице и потом делают важно фигурой в резидентуре КГБ в Соединённых Штатах. Ну, дальнейшая деятельность Калугина в семидесятые покажет: он давно работает на американские спецслужбы. А началось всё, как видите, со стажировки в весьма непростом университете США в конце 1950-х...

Неужели вы думаете, что молодой тогда кагэбэшник и цековский аппаратчик в 1958 – 1959 годах могли не стать объектами пристального внимания американских спецслужб? Именно тогда они пошли на сотрудничество с теми же закулисными игроками, с каковыми имели дело и Куусинен, и Андропов. Зря, что ли, Андропов, став главой КГБ СССР в 1967-м, начинает двигать О. Калугина по служебной лестнице вверх?

Посмотрите на судьбу Александра Яковлева. В 1950 г. он – замзав отделом пропаганды и агитации Ярославского обкома КПСС, в 1951-м – заведует школами и вузами в том же обкоме. В 1953-м его переводят в Москву, где он до 1956-го трудится инструктором ЦК КПСС по тем же школам и вузам. Тут он явно попадает в поле зрения группировки Куусинена-Андропова, отправляясь на стажировку в США.

После возвращения из Америки, в 1960 – 1973 годах, Яковлев работает в отделе пропаганды ЦК КПСС. Инструктором, заведующим сектором, первым заместителем заведующего, а потом – и фактическим заведующим отделом. Аккурат в то время, когда пропаганда в СССР становится откровенно дубовой и скучной. В 1972 году Яковлев выступает с русоненавистической статьёй «Против антиисторизма» в «Литературной газете», созданной и курируемой КГБ СССР (Андропов). Выступление Яковлева против русского национализма вызывает такой скандал, что его отправляют послом в Канаду (1973 – 1983 гг.).

Именно там он тесно сходится с премьер-министром Пьером Трюдо, заметной фигурой мировой закулисы. Очевидно, Яковлев выступает в роли связующего звена между андроповцами и западными руководителями. Именно к нему в Канаду в 1981-м едетдвигаемый Андроповым Михаил Горбачёв, свежеспечённый член Политбюро ЦК КПСС. Именно тогда Яковлев говорит канадской печати: *«Михаил Сергеевич отсыпается, мы всю ночь пробеседовали. Но если Вас что-то интересует, то спрашивайте у меня – Горбачёв мыслит, как и я»*. Считают, что Горбачёву тогда устроили своеобразные «смотрины» на Западе. Именно после той поездки Горби словно меняется.

А если взять судьбу Калугина после американской стажировки? Сначала он – сотрудник Комитета СССР по радиовещанию, а потом – по линии КГБ (до 1972 г.) едет сначала вторым, а затем и первым секретарём посольства Советского Союза в США. А фактически – сначала заместителем резидента, а затем и резидентом внешней разведки (ПГУ КГБ) в Америке. На самое «блатное» направление – в ПГУ рвались работать представители советской «золотой молодёжи», сынки партийных боссов, причём в США – особенно.

Таким образом, сначала Куусинен и Андропов, а после смерти финна в мае 1964 г. – Андропов и его «ложа» действуют, как диверсанты. Они подбирают нужных субъектов и терпеливо расставляют их по нужным постам, толкая их по служебной лестнице. Словно мины, которые должны в нужный момент сработать. И они сработают самым губительным образом – уже при Горбачёве.

Более того, случается беспрецедентное событие: глава этой «ложи»-сети Андропов в 1967 году назначается председателем сильнейшей спецслужбы страны – КГБ СССР. Теперь «пятой колонне» бояться нечего: её деятельность надёжно прикрыта сверху.

Отныне Советский Союз обречён окончательно. Теперь западному масонству есть ход в святая святых власти СССР. Крупнейшая совместная операция американской разведки и финансовой закулисы пошла к своему полному успеху...

Этому «либералу» ни к чему победа СССР в мировой гонке

Когда в нынешних Соединённых Штатах нам рассказывают о том, будто совершенно не ждали развала Советского Союза в 1991 году, не верьте. Перед нами – операция прикрытия. Они не только ждали, но и умело работали на уничтожение СССР. Они проводили грандиозную, многолетнюю операцию по взлому Красного гиганта изнутри, причём Андропову и его «внутренней партии» здесь отводилась важнейшая роль. Именно они стали умелой «пятой колонной» Запада в самом сердце власти...

Враг у руля

В мае 1967 года Юрия Андропова назначили председателем КГБ – Комитета государственной безопасности СССР. Командующим вооружённым отрядом партии. Беспрецедентно! Глава по сути антирусской «ложи», раскинувший целую сеть своих агентов и подельников, становится во главе сильнейшей спецслужбы страны. И остаётся во главе КГБ СССР до мая 1982 года – целых пятнадцать лет. Как глава спецслужбы № 1 Андропов становится сначала кандидатом в члены Политбюро (с 21 июня 1967 г. по 27 апреля 1973 г.), а затем – и членом Политбюро (с 27 апреля 1973 г. по 9 февраля 1984 г.). Всё – отныне бояться нечего. «Крыша» наверху у андропоидов надёжная. Вреди, веди игры с западными партнёрами, не рискуя по сути ничем: прикрытия больно хорошо. И начинается переформатирование общества в стране, подготовка её к великим потрясениям.

Большинство по инерции думает, будто славные чекисты защищают страну, а на самом деле начались совсем иные игры. Андропов стал крайне влиятелен и по неофициальной линии. У партийно-государственной номенклатуры есть детки, их надо хорошо устроить. Желательно – за границей, причём не абы где, а в уютных странах Запада. На непыльной работёнке, где можно изображать деятельность, получая за это валюту и доступ к западным потребительским благам. Как это сделать? Есть дипломатическая служба, есть внешторг, но есть и куда более заманчивая синекура – внешняя разведка, Первое главное управление КГБ. А кто ею ведает? Юрий Владимирович. Он может устроить чадо, а там – долг платежом красен. Пожалуй, по теневой влиятельности на номенклатуру Андропов мог вполне сравниться с тогдашним

министром финансов Гарбузовым, который ведал выдчей валюты номенклатуре при выездах её за рубеж.

Здесь мы опустим подробности назначения нашего героя в председатели госбезопасности. Всё это много раз обсосано в печати и книгах. Нам важно иное: проследить, какое влияние Андропов оказывает на судьбу страны.

ИСКАН-1967

Прежде всего, все докладчики и помощники, любовно подобранные Куусиненом и Андроповым, обволакивают собой советских высших руководителей. Пишут им речи. Готовят для них справки, по сути дела отфильтровывая информацию и заставляя высших иерархов СССР видеть лишь то, что угодно им. Подспудно огромная страна начинает лишаться самостоятельности, становиться игрушкой в чужих руках. Докладчики всю пользуется модными западными теориями – и Запад этим тоже пользуется, косвенно управляя мозгами докладчиков ЦК. Ну, а они управляют кремлёвскими старцами.

Но этого мало. В 1967-м, почти сразу же после ухода Андропова в КГБ, создаётся ИСКАН – Институт США и Канады, во главе коего ставят одну из самых знаковых фигур будущей «горбостройки» – Георгия Арбатова. Идеолога горбачёвской сдачи русских позиций Западу и оголтелого разоружения. В шестьдесят седьмом всё делалось формально для того, чтобы вести исследования по Америке, нужные правительству, Центральному комитету партии, МИДу. А по сути – возникло ещё одно гнездо куусинено-андроповщины, отличный полуофициальный канал для связи её с влиятельными кругами на Западе. С западной закулисой.

С другой стороны, теперь высшее руководство страны СССР смотрело на США глазами исключительно Арбатова и его компании. И видело в Америке лишь то, что позволяли видеть Арбатов и арбатовцы, за коими стоял всё тот же Юрий Андропов. ИСКАН и поныне – средоточие прозападного неолиберализма, здесь продолжают борьбу за всяческие разоружения и «потепления отношений» с американцами.

И это весьма дорого обойдётся нашей стране. Забегая вперёд из 1967 года, с полным правом скажем: ИСКАН «не заметит» очень многого. Например, отчаянного положения США в 1973 – 1975 годах. В тот момент, когда янки можно было додавить, арбатовцы сделали всё, чтобы Кремль пошёл на смягчение позиций и на так называемую «разрядку напряжённости». Десятью годами позже ИСКАН так же «не заметит» того, что США – на грани экономического надрыва, и Горбачёву совсем необязательно идти на огромные уступки. А в середине ИСКАН не сможет спрогнозировать отчаянной попытки Рейгана пойти на эскалацию холодной войны в надежде на психологическое и финансовое сокрушение Советского Союза.

Но зато Арбатов – верный андроподец.

Фактор Чазова

Тогда же, в 1967-м, Андропов получает ещё один рычаг тайной власти. Впрочем, какой там рычаг – рычажище! Он контролирует главу 4-го Управления Минздрава СССР. То есть, медицину для высших партийно-государственных иерархов страны. Главой 4-го управления назначают Евгения Чазова.

Евгений Иванович в своих воспоминаниях не скрывает близких отношений с Андроповым. Ведь

именно ему удалось в 1966 году вылечить Юрия Владимировича от гипертонии, которая грозила Андропову инвалидностью, а значит – и концом карьеры. И он же весьма откровенно пишет о том, как они вместе с Андроповым занимались здоровьем главы партии и СССР Леонида Брежнева, который, де, оказался в критическом состоянии накануне XXVI съезда КПСС в 1976 году. Чазов вспоминает, как для этого пришлось удалять особенно любимую Брежневым медсестру. Причём они обсуждали это вместе с шефом КГБ Андроповым! Удалили. Но вот незадача: после семьдесят шестого Брежнев поразительно быстро превращается в живую развалину. А с конца 1970-х годов по верхушке СССР покатаются ряд странных смертей, которые уберут со сцены некоторые «неудобные» фигуры и расчистят дорожку и для самого Андропова, и для выдвижения Михаила Горбачёва. С 1976 г., едва перешагнув 70-летний рубеж, в дряхлого маразматика превратится глава СССР, Леонид Брежнев. Но об этом мы поговорим потом.

Сегодня ясно, что Юрий Андропов работал отнюдь не на победу СССР в противостоянии с США. В 1970-м он гнобит Ивана Ефремова – человека, способного спасти Красный смысл, вдохнуть новую веру в торжество коммунизма, в создание нового – сильного и прекрасного – человека. В 1970-м талантливейший русский писатель-фантаст получает запрет на распространение только изданного романа «Час быка», книгу изымают из библиотек и из книготорговли. Вплоть до 1987 года прочесть её можно было, только выпросив книжку у тех, кто успел купить её до запрета и сохранить её. Или в номерах «Техники-молодёжи» за 1968 год, да и то – в сокращённом варианте. В 1972-м Ефремов умирает, и КГБ устраивает посмертный обыск на его квартире. Зато место расчищается брать-

ям Стругацким. Тем, что отходят от ранних идеалов и начинают писать уже о другом. Совсем другом... А потом скажут о том, что бог в Москве умер, а Будущее – оно уже воплотилось на Западе.

Ну, а сам их высокий покровитель начинает с 1968 года большую игру – в поддавки с Западом.

1968 год: два удара по Советскому Союзу

1968 год стал вторым после 1956-го роковым рубежом для Советского Союза. События во Франции и в Чехословакии нанесли русским страшный морально-психологический ущерб, расплескали с трудом накопленный капитал доверия западных интеллектуалов и молодёжи к СССР, уничтожили потенциального русского союзника – президента Франции генерала Шарля де Голля. И за всем этим проступает чёткая тень КГБ СССР. Юрия Владимировича Андропова.

Напомним то, о чём мы с Сергеем Кугушевым писали в «Третьем проекте».

...Начнём с генерала де Голля. Вы, конечно, помните этого героя Франции и Европы, человека, который поднял с колен умирающую страну и превратил Францию в динамично развивающуюся державу, в страну, которая сегодня вместе с Германией возглавляет Евросоюз. В истории Франции он сыграл роль не меньшую, чем Наполеон. Но речь не об этом. Вы знаете, как он ушёл, а главное – почему?

В конце шестидесятых генерал де Голль решил перейти в наступление. Он выдвинул программу изменения мирового баланса сил. Именно де Голль стал первым реальным политиком-евразийцем. Он выдвинул лозунг: «Европа от Атлантики до Урала». Европу он понимал как отечество, объединившее народы в

единый материковый блок, способный противостоять заокеанским властителям мира. Он увёл страну из НАТО и создал независимые ядерные силы. Он запретил масонство во Франции, загнав его в подполье. Он попытался установить мир на Ближнем Востоке. Но, самое главное, де Голль с 1965 по 1967 годы непрерывно предпринимал попытки, направленные на отмену долларовой диктаты, на возврат международных отношений к единому золотому стандарту. Он предлагал, чтобы золото, а не доллар фигурировало в международных расчётах. А это фактически означало крах великого плана долларовой мировой господства, плана, во имя которого были разыграны и Первая, и Вторая мировые войны. Плана, из-за которых Германия и Россия потеряли лучших людей, а лучшие заводы были обращены в прах. Плана, из-за которого Германия и Россия надорвались, утратив в значительной степени национальный дух.

Де Голль решил положить этому конец. Он хотел сделать это, опираясь не только на потенциал Франции, но и объединив вокруг этой задачи сначала Европу, к которой он причислял и Советский Союз, а затем – и Азию. По сути, он пытался создать Евразийский блок против Атлантической хартии.

И что же? Уже в апреле 1968 года в Ланжеро-Блане прошло заседание Бильдербергского клуба, целиком направленное на разработку программы свержения и политического уничтожения коннетабля Франции. Главными в разработке этой программы были барон Эдмон де Ротшильд, покровитель и хозяин будущего президента Франции Жоржа Помпиду, а также ключевой человек ЦРУ того времени, Джеймс Инглтон. Постановили: «Нужно, чтобы наши друзья провоцировали беспорядки, создавали побольше происшествий между манифестантами и силами охраны

порядка... Необходимо вызвать ответную реакцию у молчаливого большинства и у буржуазии, которая, почувствовав опасность, заставит де Голля изменить политический курс. Возможно, давление со стороны правых вынудит де Голля уйти, освободив место для правительства, с которым будет легко договориться...»

В строгом соответствии с этой программой в мае 1968-го во Франции начались выступления студентов. Сначала – крайне левых, которые, как всегда, отлично финансировались и координировались американской разведкой.

Казалось бы, для Советского Союза сложился идеальный момент, чтобы помочь де Голлю. Ни для кого не составляло тайны, что у руля студенческой революции, майской революции 1968 года, этой первой «революции цветов», стояли не только искренние молодые леваки, но и манипулирующие ими люди спецслужб, имеющие налаженные связи с КГБ. Пользуясь через кубинцев влиянием на крайне левых, а также связями людей из восточногерманской Штази и чешской разведки, исторически тесно взаимодействующих с левым подпольем Западной Европы, русские вполне могли выявить манипуляторов из западных спецслужб и засланных ими провокаторов, обезвредить их и обеспечить исторический компромисс между студентами и де Голлем. Компромисс, который вполне мог быть достигнут против общего врага – Атлантических держав, Штатов и Англии.

Однако кураторы в Москве сделали совершенно иное. В дополнение к студентам они вывели на улицы миллионы рабочих. Международный отдел ЦК дал команду Всеобщей конфедерации труда. Тогда крупнейшая профсоюзная организация Франции объявила забастовку. В результате в конце мая более десяти миллионов французов – практически весь пролетариат

– бастовали. Решение на проведение всеобщей французской забастовки принималось в Москве, на самом высоком уровне. И если американцы только подтолкнули де Голля, то деятели из СССР заставили его упасть, поставив ему первоклассную подножку. Люди в ЦК КПСС, КГБ СССР и в американском ЦРУ действовали рука об руку. Они вместе уничтожили человека, который мог изменить ход истории. Они заставили его потерять страну.

В августе 1968 года наши танки входят в Прагу, подавляя радикальное движение в Чехословакии, СССР становится пугалом и монстром в глазах свободлюбивой западной молодёжи – и всё социалистическое движение на Западе тут катится под уклон. Масовость теряется, часть радикалов уходит в терроризм. Америка опять торжествует.

Что же случилось? Волна молодёжного радикализма поднялась и в нашей сфере влияния, в Чехословакии. Там студенты и рабочие тоже хотели «социализма с человеческим лицом». Начиналась «Пражская весна». Западная разведка это знала и постоянно подталкивала нас к введению танков.

У нас был выбор. Первый – чехов не давить. Дать им строить «социализм с человеческим обликом». Новых политиков, поднятых волной молодёжных выступлений, просто купить. Неважно чем: деньгами, поддержкой или компроматом. Политики продажны. То, как в нынешней Чехии успешно продаются американцам некоторые вожаки 1968 года – тому прекрасное доказательство. Купив вожаков, можно было добиться сохранения здесь наших военных баз. Во всяком случае, пока американские войска не убрались из Германии. Что делать, если начнётся приватизация? Русские возьмут под контроль ключевые сферы чешского хозяйства.

Кроме этого, мы могли держать Чехию, как и всю Центральную Европу, на своей ресурсной, топливно-энергетической «игле», постоянно ставя её перед выбором: или вы слушаетесь нас и получаете недорогое топливо, или покупаете его на мировом рынке по куда более кусачим ценам. Всё равно ваши центрально-европейские товары никому на Западе не нужны.

Что получалось бы в итоге, не дави мы чехов? Весь мир нас любит. Радикальные настроения в Западной Европе нарастают, и там ко власти приходят политики, которые выводят свои страны из НАТО. Укрепляются позиции европейских политических сил, настроенных антиамерикански. В совершенно реальной истории 1966 года лидер Франции Шарль де Голль выводит свою страну из НАТО, демонстративно посещает Москву, выказывая стремление к сближению с нашей Империей. Нам посылали дружественные сигналы. Наш шанс тогда был в «австриизации» Европы, в обеспечении её нейтралитета, отрыве её от Америки. Умные люди понимали уже тогда, что воссоединение Германии в конце концов неизбежно. Это понимал Берия в 1952 году. Оставалось вырвать из НАТО Германию, что можно было сделать, пообещав ей воссоединение с таким вот условием. В те годы Германией правят социал-демократы, и их лидер Вилли Брандт охотно идёт на контакт с нашими спецслужбами. Торжество левых идей в Европе, не раздавленное нашими танками в Праге, только ускорило распад Североатлантического блока.

Русские действительно могли, развалив НАТО, потихоньку демонтировать и Варшавский договор, создав железные гарантии нейтралитета центрально-европейских государств. Хотите мира, европейцы? Разрывайте альянс с Вашингтоном. При этом американцы тогда не обладали достаточными средствами

для массивованных экономических инъекций в Центральную Европу. Охваченные бунтами радикалов у себя дома, янки не решались начать и войну в Европе. Толпы агрессивных пацифистов просто урыли бы европейские правительства, да и в США это грозило внутренними беспорядками. Помешать русскому «похищению Европы» янки в те годы просто не могли...

При поддержке русских Европа могла бы создать свой военно-политический и экономический союз, независимый от США и дружественный нам. Мы же со спокойной душой могли отпустить вожжи в Центральной Европе, начав совместные экономические проекты с европейцами. США в этом варианте попадали в изоляцию. Гонки вооружений они уже не держивали.

Но Москва этих возможностей не осознала и решила просто подавить «Пражскую весну». И кто продал это самоубийственное, совершенно проигрышное для нас решение? Юрий Андропов. Здесь его роль даже более выпукла, чем в случае с маем-68 во Франции. Именно он смог «продать» решение о вводе войск в Чехословакию. Свидетельствует Сергей Семанов:

«...В пользу умеренности и сдержанности выступали А. Косыгин, Н. Подгорный и М. Сулов. В пользу решительных действий против „ревизионистов“ из КПЧ, не исключавших и военное вмешательство, выступали А. Кириленко, А. Шелепин, К. Мазуров и особенно украинский лидер П. Шелест. Брежнев колебался, хотя именно он должен был принимать главные решения. Явно в группе „ястребов“ находились советские маршалы, а также В. Ульбрихт и В. Гомулка (партийные вожди Польши и ГДР, давние „подопечные“ Андропова по работе в аппарате ЦК – прим. ред.), которые оказывали на Брежнева сильное

давление. В целом среди сторонников „решиительных мер“ находился и Юрий Андропов. Георгий Арбатов позднее писал: „На основании того, что я слышал, могу сказать, что среди сторонников „решиительных мер“, к сожалению, был и Ю.В. Андропов, у которого после событий в Венгрии в 1956 году сложился определённый синдром нетерпимости, может быть связанный с убеждённостью в том, что нерешительность и затяжки ведут к более серьёзному кровопролитию“. Ну, словечко „к сожалению“ есть очевидное либеральничанье задним числом, которое столь характерно для всех политических перевёртышей арбатовского толка.

Из недавних публикаций документов Политбюро точка зрения Андропова выглядит совершенно недвусмысленно. 19 июля, выступая против „мягко“ линии А. Косыгина, Председателя Совета министров СССР, Андропов заявил: „Я считаю, что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступайте на меня. Они сейчас борются за свою шкуру, и борются с остервенением... Правые во главе с Дубчеком стоят твёрдо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они, и готовятся очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Всё идёт против нас“.

„Я хотел бы также ответить т. Андропову, – возражал Косыгин, – я на вас не наступаю, наоборот, наступайте вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем что-то похожее на Австрию“. Андропова поддержали на этом заседании

Устинов, Мазуров и Капитонов. Кроме Мазурова все они были ещё кандидатами в члены Политбюро, а Капитонов лишь одним из секретарей ЦК. В задачу Андропова входила информация партийного руководства о взглядах и настроениях населения страны по поводу тех или иных аспектов советской политики. В Информационной записке КГБ в ЦК КПСС от 24 июля 1968 года Андропов сообщал о реакции населения СССР на решения июльского Пленума ЦК о событиях в ЧССР. Пользуясь случаем, Андропов давал в этой записке и свои комментарии. „Существующее положение в Чехословакии, – писал он, – требует немедленного вовлечения рабочего класса и народной милиции в борьбу с антисоциалистическими силами, а при необходимости – и создания рабочих революционных отрядов“.

„Силовая“ направленность действий против мятежной Чехословакии, разумеется, возобладала на Политбюро, в двадцатых числах августа 1968 года в страну вошли советские танки и войска союзников СССР по Варшавскому договору. Всё было кончено...»

Странное дело: Андропов, уже почитавшийся тогда нашей интеллигенцией за либерала, поддерживавший скульптора Эрнста Неизвестного, режиссёра Юрия Любимова, братьев Стругацких, ценитель джаза и прочих атрибутов западной «свободы» – и душит «пражскую весну»? Парадокс? Ничего подобного. Просто этому «либералу» ни к чему победа СССР в мировой гонке. А для этого можно жертвовать Чехословакией. В данном случае Андропов умело перевёл стрелку, пустив «поезд» нашей страны на гибельный путь. Это не было случайностью: дальнейшие события подтвердят: перед нами – закономерность.

Мы, конечно, не делаем Андропова демоном, виновным во всём. Огромная часть вины на случившем-

ся лежит и на других высших советских иерархах. Но Андропов чувствовал разложение партийно-советской номенклатуры, умело усиливая процесс.

Семидесятые: как Кремль спас Америку

Наступают семидесятые годы. Время весьма неоднозначное.

Кажется, судьба поворачивается лицом к Советскому Союзу, он вступает в полосу невиданного везения. Ракетно-ядерный паритет с Западом достигнут: угроза нападения на нашу страну исключена. Теперь никто не может попереть на нас, не рискуя погибнуть. Страна развивается со скоростью курьерского поезда. За годы восьмой пятилетки (1965 – 1970 гг.) СССР создал нефтегазовый комплекс в Тюмени. В строй вошли 1900 крупных предприятий, объём промышленного производства увеличился на 50 %. Наиболее успешно развивались: электроэнергетика – на 54 %, машиностроение – на 74 %, радиоэлектроника и нефтехимическая отрасль – на 78 %. Около 73 % прироста промышленной продукции достигли за счёт увеличения производительности труда. Впервые в нашей стране темпы роста производства потребительских товаров сблизились с темпами развития тяжёлой промышленности (среднегодовой темп роста группы «А» – 8,5 %, группы «Б» – 8,3 %). В 9-й пятилетке (1971 – 1976 гг.) высокие темпы роста сохранялись: теперь им помогал стремительный рост мировых цен на нефть. В СССР потоком хлынула валюта. Заработало 2 тысячи новых предприятий промышленности.

Строятся Саяно-Шушенская и Усть-Илимская ГЭС, Нуρεкская ГЭС, вводится в работу АЭС под Ленинградом, крепнет топливно-энергетический ком-

плекс в Тюмени. Возводится КАМАЗ. Вступает в строй самая совершенная в мире доменная печь на Криворожском металлургическом заводе. Строятся самые мощные в стране кислородно-конверторные цехи на Западносибирском металлургическом заводе, на Новолипецком металлургическом заводе. Введён в строй Михайловский горно-обогатительный комбинат производительностью 25 млн. т руды в год. В 1974 г. началось строительство Байкало-Амурской железно-дорожной магистрали (1974 – 1984).

Да, проблемы есть – но жизнь граждан СССР становится всё лучше и лучше.

В то же время, Соединённые Штаты оказываются в отчаянном положении. К 1973 году проиграна война во Вьетнаме, американское общество деморализовано. Затем (1974 – 1975 гг.) начинается страшный энергетический кризис из-за роста цен на нефть. В Вооружённых силах Америки – явные признаки разложения, наркотизации, падения дисциплины. Экономика впадает в кризис. Америку лихорадит. Шесть высадок «на Луну» в 1969 – 1972 годах не приносят Соединённым Штатам оглушительной морально-психологической победы: всё сводит на нет вьетнамская война, вызывающая мощное антиправительственное брожение в Америке. 1971 год – сильный валютно-финансовый кризис, США вынужденно отказываются от обеспечения доллара золотом. «Зелёной бумаги» напечатано слишком много. Доллар обесценивается.

На всё это накладывается политические передрыги: президент Никсон пытается ввести диктатуру (имперское президентство) с правом заменять законы президентскими указами, вводить цензуру и составлять списки врагов нации. Однако Никсона сваливают в 1974-м: разражается Уотергейтский скандал (прослушивание спецслужбами разговоров политических про-

тивников Никсона) – и Никсон уходит с поста под угрозой импичмента.

В действиях и словах высших иерархов США сквозит неприкрытый страх. Он явственно прослеживается в заседаниях Совета национальной безопасности под руководством Генри Киссинджера (большого друга Георгия Арбатова). А что, если русские поднажмут – и опрокинут Соединённые Штаты? Не погрешим против истины, если скажем, что 1971 – 1975 годы для американцев – некий аналог 1985 – 1988 годов для Советского Союза.

Но происходит чудо: советская верхушка... идёт навстречу американцам с раскрытыми объятиями. С любовью! Май 1972 года – Никсон приезжает в Москву, обнимается с Брежневым, они подписывают «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки». Главным принципом провозглашается мирное сосуществование двух сверхдержав. Подписывается ОСВ-1 – об ограничении стратегических наступательных вооружений. Брежнев в 1973-м едет в Соединённые Штаты, обнимается с Никсоном. Янки расточают улыбки. Тогдашний министр здравоохранения США Каспар Уайнбергер – само радушие и доброжелательность. Всего лишь через восемь лет, на посту шефа Пентагона при Рейгане, Уайнбергер примется по-волчьи щерить зубы, призывая к сокрушению Советского Союза, а в Москве станут дивиться: и куда подевался прежний душка?

Верхи СССР не решатся добить Америку в середине семидесятых. Янки благодарностью страдать не будут. В начале 1980-х они начнут настоящую войну на подрыв и добивание Советского Союза. Они окажутся и смелее, и умнее.

А в семидесятые советские вожди очарованы перспективами «разрядки международной напряжённости» и предвкушают идиллическую жизнь в сосуществовании с Америкой, такой белой и пушистой. В 1974-м под Владивостоком Брежнев встречается с президентом Фордом, сменившим Никсона. Наконец, в 1975 году СССР участвует в совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки, подписывая «победоносный» Заключительный акт – документ, который затем сыграет роковую роль в судьбе Союза. Москва признаёт Декларацию принципов, где все государства, её подписавшиеся, взяли на себя обязательство руководствоваться во взаимных отношениях базовыми принципами (суверенное равенство; уважение прав, присущих равенству; неприменение силы или угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение «прав человека» и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религий и убеждений; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств по международному праву).

Это была попытка советской верхушки сработать по методу кота Леопольда («ребята, давайте жить дружно!») и подписать новый мирный договор, не дав давив противника до конца. Не вызвав распада блока НАТО, не перетянув на свою сторону Европу. Очевидно, что действовать нужно было иначе (и американцы в 80-х покажут это во всей красе) – то есть, никаких «подписаний в Хельсинки» и договоров о разоружении. Наоборот, нужно было на короткое время форсировать гонку вооружений, окончательно из-

нуря противника и вынуждая его к капитуляции целиком на наших условиях.

Но происходит обратное. Советская верхушка вырывает американцев. И это в 1991 году стоит нам страны. А янки тихо-мирно в 1972 году делают первый шаг к заключению стратегического альянса с красным Китаем. Причём именно против нас.

Почему это происходит? Нет, не Андропов всему виной: были ещё и другие творцы разрядки. Никто не снимает ответственности с шефа МИДа, весьма влиятельного Андрея Громыко, с предсовмина Алексея Косыгина, с самого генсека КПСС Леонида Брежнева. Верхи СССР в тот момент вообще теряют волю к победе. Да и страна входит в пору негласной Большой сделки: низы получают право пользоваться плодами «нефтяной халявы» и потреблять импортные товары, с них перестают требовать повышения производительности и качества труда. Зачем напрягаться, если и так можно за границей купить? Взамен верхи СССР получают право мягко приватизировать её, наслаждаться властью и материальными благами от неё. Наступает эра первого проедания будущего страны: когда за нефтедоллары покупаются не передовые технологии и лучшие мозги, а заморские тряпки. Да, пока на это идёт лишь часть валюты, но начало уже положено (продолжение сего курса мы увидим в 1992 – 2008 годах). Всё это сказывается на общем тоне Союза. Зачем какие-то крайности, какая-то борьба? Ребята, давайте жить дружно. Мирно сосуществовать с Западом. Забывается простой принцип: не может быть двух солнц на небосклоне. Двум сверхдержавам на одной планете тесно. Гегемон в мире может быть всего один.

Однако и недооценивать роль андроповщины во всем этом нельзя. Она сделала всё, чтобы размягчить

мозги и волю руководства страны. Все эти «невероятно талантливые» «аристократы духа», рассаженные Андроповым в докладчики, советники и помощники первых лиц, вели дело именно к «разрядке», а не к победе СССР. Все эти помощники внушали начальству мысль о том, что лучше договориться с Вашингтоном и вообще сообща править миром на принципах некоей «новой Ялты», совместно. Будучи прозападниками, они о победе и вовсе не думали! И умело обрабатывали мозги своих начальников, используя всё те же западные теории. Роль верного андроповца Георгия Арбатова и его Института США и Канады в событиях начала и середины 70-х огромна. Он фактически сыграл на руку Киссинджеру, отчаянно спасавшему Соединённые Штаты в лихую послевьетнамскую годину.

Потеря Германии

Да и сам Андропов как председатель КГБ снова проводит убийственную для СССР внешнеполитическую операцию.

В начале семидесятых годов зашатался важный элемент и НАТО, и всего Запада – богатая, промышленно развитая Западная Германия (ФРГ). Если бы её удалось вовлечь в совместный с СССР геополитический проект, то вся Европа могла отдрейфовать тогда от Америки. Соотношение сил резко сместилось бы в сторону Москвы. И такой шанс появляется: канцлер ФРГ, социал-демократ Вилли Брандт (1913 – 1992 гг.) в 1970 году начинает «восточную политику» – политику резкого сближения с СССР. Он в 1970-м приезжает в Москву, подписывает договор о признании границ по итогам Второй мировой войны и ещё кучу соглашений по экономическому, научному и техниче-

скому сотрудничеству с Советским Союзом. Брандт здесь идёт дорогой Шарля де Голля. Тем самым Брандт получал мощную поддержку Москвы, работу для сотен тысяч немецких рабочих и устойчивые заказы для нас, германских промышленников и финансистов.

Вырисовалась страшная для США перспектива: русско-немецкий геополитический блок. Огромные русские ресурсы и русская наука, соединённые с немецкими технологиями и организацией. Хозяйство ФРГ, и так росшее в 1960-е фантастическими темпами (она вышла на второе место в западном мире, сразу после США), могла ускориться ещё больше, ибо получала русскую ресурсную подпитку. Освоение огромных сибирских просторов надолго обеспечивало работой немецкую промышленность. А советский научно-промышленный задел помогал ФРГ начать собственную космическую программу. Сегодня это кажется невероятным, но в те годы немцы всерьёз планировали строить свой многоэтажный космический корабль!

Брандт всерьёз верил в возможность иного, чем капитализм, строя. Он действительно собирался создать социалистическую Европу. Европу, которая заберёт лучшее из различных моделей, появившихся в то время: шведской, французской и советской. Ему виделась Европа, где социальная справедливость не противоречит экономической эффективности, план сочетается с рынком, а прибыль не отменяет человеческой солидарности. Создание же геополитического и экономического блока «СССР – Германия» в 1970-е годы вгоняло США в смертельный кризис, наносило разящий удар и по НАТО, и по долларовой системе.

Сближение Москвы и Бонна идёт стремительно, шеф КГБ Юрий Андропов устанавливает свой канал

связи с политическим руководством Западной Германии, с её деловыми кругами.

Но именно КГБ Андропова всё это с треском и разрушает! В 1974 году Вилли Брандт вынужден уйти в отставку из-за того, что его секретарь Г. Гильом разоблачён как агент Штази, разведки Восточной Германии. Зачем было внедрять его туда, тем самым уничтожая нужного русским политика? И ведь такие операции не проводились без ведома председателя КГБ СССР. С уходом же Брандта вся конструкция стала рушиться. Социал-демократы были выставлены в глазах общественного мнения как агенты Москвы, как предатели.

Да, Брандта на посту канцлера сменил социал-демократ Гельмут Шмидт (правил в 1974 – 1982 гг.) Он пытался спасти дело предшественника. И опять к нему внедряют шпионов.

Снова Юрий Андропов умелым воздействием ухудшает позиции Советского Союза, выводя его на самую худшую историческую траекторию из всех возможных. Если же взять всё вкуче, то видно: «андроповская ложа» работает против собственной страны. Теперь у нас есть все основания утверждать: андроповцы в тот момент совершенно чётко работают в паре с американской закулисой.

Но это – на внешнеполитическом фронте. А что внутри самого СССР? Готовится горбачёвская перестройка (горбостройка), товарищи – готовится загодя...

Тихий государственный переворот 1982 года

Как Арбатов невольно проговорился

«Впервые эту фамилию услышал именно от Андропова в 1977 году, весной. Дату помню, поскольку начался разговор с обсуждения итогов визита С. Вэнса, потом перешёл на болезнь Брежнева. И я здесь довольно резко сказал, что идём мы к большим неприятностям, так как, судя по всему, на подходе слабые, да и по политическим взглядам часто вызывающие сомнение кадры. Андропова это разозлило (может быть, потому, что он в глубине души сам с такой оценкой был согласен), и он начал резко возражать: ты, мол, вот говоришь, а ведь людей сам не знаешь, просто готов всё на свете критиковать. „Слышал ли ты, например, такую фамилию – Горбачёв?“ Отвечаю: „Нет“. – „Ну вот видишь. А подростки ведь люди совершенно новые, с которыми действительно можно связать надежды на будущее“. Не помню, чем тогда закончился разговор, но во второй раз я фамилию Горбачёва услышал от Юрия Владимировича летом 1978 года, вскоре после смерти Ф.Д. Кулакова, бывшего секретаря ЦК, отвечавшего за сельское хозяйство».

Так пишет в своих воспоминаниях бывший директор Института США и Канады Георгий Арбатов. То есть, спустя много лет он проговаривается. Оказывается, Андропов уже весной 1977 года взял Горбачёва за шкуру и готовился двигать его наверх. И это в 1977-м, когда сорокатрёхлетний Горби – только лишь первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. Кстати, с 1978-го Горбачёв начинает делать карьеру в Москве, а с воцарением Андропова вообще круто взлетает вверх. Ноябрь 1978 года, Горби – секретарь ЦК КПСС по агропромышленному комплексу, пришедший на место загадочно погибшего Кулакова. 1979 г. – Горбачёв становится кандидатом в члены

Политбюро ЦК КПСС, этого ареопага власти. А в 1980-м – уже и членом одного.

Всякий, кто жил при Горбачёве и видел его по телевизору, знает, что этот субъект всегда произносил речи в режиме «потока сознания». Он выливал целые реки слов, скакал с темы на тему, откровенно самолюбовался. Понять то, что он хочет сказать, было невозможно. А ведь речь – показатель и умственных способностей, и психического здоровья. Мы знаем, что, помимо пустомельства, Горбачёв страдал невероятным раздвоением сознания. Его политика – вечные взаимоисключающие решения, откровенно идиотские шаги, доведение всего до абсурда. Достаточно вспомнить, как в СССР одновременно разрешались кооперативы (частное предпринимательство) и одновременно усиливалась борьба с нетрудовыми доходами. Как власть натужно скрипела от нехватки доходов бюджета и тут же они торпедировались идиотской антиалкогольной кампанией.

Да, и такого деятеля Андропов с 1977 г. отметил и стал возносить к вершинам власти? Его он считал перспективным руководителем? Это, знаете ли, говорит о многом. И прежде всего – об истинных целях Юрия Владимировича.

Большая «расчистка площадки»

В семидесятые Андропов развернулся во всю ширь. Теперь он смело воздействовал на процессы внутри страны: возможности его сильно выросли. Общество в СССР стремительно перепрограммировалось: оно становилось потребительским и циничным. А что ещё нужно?

Фактически разрушив процесс сближения между СССР и Западной Германией, Андропов переключается на большую «расчистку площадки» для будущих «прорабов перестройки». Да-да, перестройка уже готовится. Можно говорить о том, что андроповская сеть «внутренней партии» сложилась. Александр Яковлев с 1973 года – посол в Канаде. Отличный «офицер связи» с элитными западными кругами! Набирает вес директор ИСКАН Г. Арбатов. Ну, и вся рать куусинено-андроповских советников, речеписцев и консультантов на месте. И кто-то у Андропова явно есть и в недрах самого КГБ. Да и, в общем, ресурсы самой этой организации могли использоваться в ряде щекотливых дел. С оговорками - но все же.

Едва ли не первый шаг Андропова на посту главы КГБ – это создание приснопамятного пятого управления для борьбы с диссидентством. Но на деле, как мы можем судить сегодня, тем самым Юрий Владимирович организовал параллельную спецслужбу для того, чтобы отслеживать настроения во всех слоях общества и умело на них влиять. Естественно, совсем не в русских интересах.

Именно в эти годы Юрий Андропов начинает и борьбу за верховную власть в стране. Он твёрдо решает стать во главе СССР.

И сколько странностей мы наблюдаем в 1970-е! Как-то очень резко руководитель страны Леонид Брежнев с 1976 года превращается в живой труп. Он едва говорит, у него – провалы в памяти и явные признаки маразма, хотя Брежнев только-только справил семидесятилетие. Такое впечатление, будто он на десять лет старше. Простите, но кремлёвская медицина и в семидесятые была очень сильной. А тут Брежнева словно специально делают таким, пичкают затормаживающими «колёсами». И это при том, что без ведо-

ма главы 4-го управления Минздрава Е. Чазова Брежневу и полтаблетки по своей воле дать не могли. А Чазов – под неусыпным наблюдением КГБ СССР. А заодно – и в доверительных отношениях с самим Юрием Андроповым. Уже в своих послесоветских воспоминаниях Е. Чазов проговаривается о том, что в 1976 году они с Андроповым тщательно занимались выведением Брежнева из плохого состояния, для этого спланировав целую операцию по отставке «от тела» любимой медсестры Брежнева.

Брежнев превращается в посмешище для собственного народа и всего мира. Впрочем, это очень удобно: Андропов может делать свои дела, и окончательно оборзевшая партноменклатура – тоже. Генсекто – больной и соображает неважно. Да и крепость самого Советского Союза подвергается эрозии. Один Брежнев на экранах телевизоров с его невнятно-чмокающей речью наносил удар по стране десятикратно сильнееший, нежели усилия тысячи клеветников типа Сахарова или Солженицына.

А вот дальше начинается череда странных событий и странных смертей.

По трупам – к вершине

То, как один за другим устранялись конкуренты Андропова в борьбе за власть (или за влияние не Брежнева), сказано немало. Напомним вкратце: 1976 год – Брежнев отправляет в отставку Председателя президиума Верховного Совета СССР Николая Подгорного. Потом настает черёд Фёдора Кулакова.

Знаете, благодаря чьей загадочной смерти Михаил Горбачёв попал на работу в секретариат ЦК КПСС и вообще в Москву? Его перевели на место загадочно

умершего Фёдора Давыдовича Кулакова (1918 – 1978 гг.), куратора сельского хозяйства в ЦК КПСС, члена Политбюро с 1971 года. По официальной версии, Ф. Кулаков скончался в ночь на 17 июля 1978 года от паралича сердца после семейного скандала. Глава 4-го управления Е. Чазов подтвердил сей диагноз. Однако в официальную версию не верили даже тогда.

Дело в том, что за несколько месяцев до смерти Ф. Кулаков стал мишенью настоящей информационной атаки, что повели западные радиостанции, вещавшие на СССР – «Свобода», «Голос Америки» и другие. Они на все лады повторяли: Брежнев болен, ему на смену готовят Кулакова. А он вообще сволочь, реакционер, сталинист и т.д. Что он готовит перемещение больного Брежнева на почётный, лишённый реальной власти пост Председателя президиума Верховного Совета СССР, а сам готовится взять в руки бразды правления.

Работали «эфирные голоса» умело. Фёдора Кулакова многие в верхах партии прочили в преемники быстро слабеющего Брежнева. Кулакова считали сильным и волевым руководителем. Во второй половине семидесятых уже многие думали о необходимых реформах в СССР. Кулаков однозначно воспринимался Андроповым как конкурент. Поэтому «голоса» работали недаром: шеф КГБ успел освоить технологию использования западных СМИ для борьбы внутри высших советских руководителей. (Потом «нужные» публикации в западных СМИ будут использованы при устранении других конкурентов Андропова – и первого секретаря краснодарского крайкома КПСС С. Медунова, и первого секретаря ленинградского горкома Г. Романова). Фёдора Кулакова перед смер-

тью обрабатывали, что называется, по полной программе.

Дело объяснялось просто: Кулаков – мужик сильный и принципиальный. Он предлагал решить проблемы сельского хозяйства, передав землю в руки земледельцев, широко применяя аренду и бригадный подряд. То есть, Кулаков желал совершить в СССР то, с чего начал успешные реформы красный Китай при Дэн Сяопине. Только в КНР это реально начали делать в 1978 году, а Ф. Кулаков тогда же загадочно умирает.

Итак, 4 июля 1978 года на пленуме ЦК КПСС Кулаков подвергается критике за плохое состояние агропромышленного комплекса страны. Сделать это было нетрудно: в сельском хозяйстве Союза давно творилось неладное. Хотя тогдашние проблемы села кажутся по сравнению с нынешними почти незначительными, бесхозяйственность в сельском хозяйстве и падение отдачи от капиталовложений в него превратились в серьёзный фактор напряжённости в обществе. Но тут уж не Кулаков был виноват во всём: сказывалось общее падение эффективности управления в стране, брежневская расхлябанность госаппарата. Кулаков остро переживал критику.

Первый секретарь московского горкома КПСС Виктор Гришин впоследствии вспоминал, что 16 июля 1978 года услышал от Фёдора Давыдовича по телефону: *«Я больше не могу жить, Витя, у меня сильно болит сердце, не могу больше смотреть на этот бардак в партии...»*. Через несколько часов Кулаков скончается от острой сердечной недостаточности. О, сколько людей в мире было отправлено в мир иной под прикрытием такого же диагноза!

И вот что странно: на похороны Фёдора Давыдовича не являются ни генсек Брежнев, ни предсовмина Косыгин. Хотя должны были бы. А комиссию по ор-

ганизации похорон Кулакова возглавляет Михаил Горбачёв, вскорости занимающий место покойного. И отсюда начинает своё восхождение на вершину власти в СССР. Кулаков устранин с дороги Юрия Андропова, заодно освободив место для Горбачёва.

Параллельно по стране начинают гулять слухи о том, что член Политбюро с 1976 года, партийный глава Ленинграда (1970 – 1983 гг.) Григорий Романов в 1974 году устроил для дочери свадьбу в Зимнем дворце, причём использовал сервис Екатерины Великой, каковой упившиеся гости били-колотили. Сенсацию пропечатал немецкий бульварный журнал «Шпигель», и её тотчас подхватили западные «радиоголоса», вещавшие на Советский Союз. Ну, как в случае с Кулаковым. «Голоса» снова становились важным фактором влияния на нашу жизнь. Фактором борьбы за власть.

Давным-давно известно, что история с битьём сервиса и пьянкой во дворце – самая наглая ложь, что на самом деле Романов просто был опасен для Андропова как соперник. Выходец из оборонной промышленности, ленинградец-корабел, да к тому же на 9 лет младше Андропова – словом, кадр в борьбе за власть опасный. Его можно было опасаться. В отличие от Андропова, Романов воевал на Ленинградском фронте, там же в партию вступил. В отличие от Андропова, Романов выдвигался сначала по советско-хозяйственной, а не партийной линии (это случилось позже), показав себя прекрасным работником. В оборонном комплексе Григорий Васильевич отлично разбирался, пользовался большим уважением как главный руководитель второго крупного города страны. Словом, он обладал опытом успешного управления реальным хозяйством – в отличие от сугубого теоретика Андропова.

К Романову приглядывался и Брежнев. Он стал даже называть Григория Васильевича своим возможным преемником. Правда, Леонид Ильич частенько менял планы насчёт преемничества, но факт есть факт: об этом больной генсек, едва ворочавший языком, говорил и кубинскому вождю Фиделю Кастро, и даже французскому президенту Валери Жискар де Эстену.

Клеветнические слухи о свадьбе в 1982-м – сам тому свидетель – катились по всей стране. (Мне лично их поведал случайный собеседник у Исаакиевского собора летом восемьдесят второго). Не без оснований можно говорить, что распускало их всё то же тайное ведомство, возглавляемое Юрием Владимировичем.

– Эти сплетни распускал, я знаю, лично Михаил Сергеевич Горбачёв с помощью своих друзей из КГБ. Весь Ленинград знал, что после загса мы поехали ко мне на квартиру, я жил на берегу Невы у Кировского моста напротив Петропавловской крепости. Конечно, никаких сервизов не было, всё было очень скромно. Но люди несколько лет подряд писали возмущённые письма в ЦК, и по «голосам» тоже постоянно говорили, что Романов сервиз разбил. Очень сильно по мне эта история ударила, – вспоминал сам Григорий Васильевич незадолго до смерти в 2008 г. (Олег Кашин. «Хозяин Ленинграда», 2007 г.)

Кстати, Романов, разозлённый грязными слухами, ходил и к председателю КГБ Андропову, требуя: дайте опровержение. «Андропов мне так сказал: не обращайтесь. Мы знаем, что ничего подобного не было. Я говорю: Юрий Владимирович, но вы можете дать информацию о том, что не было! – Хорошо, мы разберёмся», – вспоминал Романов.

Но теперь можно почти с полной уверенностью утверждать: именно КГБ эти слухи и гнало волной по стране, а никакой не Горбачёв. Даже стиль привычный

чувствуется: сначала – публикация в западной бульварной печати (дело чисто техническое), потом – «резонанс» на радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода», потом – слухи по всей стране.

Романову ещё повезло: его убили не физически, а только грязью облили. То, что после смерти Брежнева в 1982 г. Политбюро избрало генсеком Андропова, а после смерти последнего в 1984-м – Черненко, а после Черненко в 1985-м – Горбачёва, лишний раз говорит о том, до какой степени несамостоятельности скатилась советская верхушка тех лет. Ведь Романов с 1983 года работал в Москве: сам Андропов пригласил его куратором оборонной промышленности. Дескать, пора ею серьёзно заняться, ибо министр обороны Д. Устинов тратит слишком много денег. Однако долго заниматься ВПК Романову не дали: когда Михаил Горбачёв пришёл к власти в марте 1985 года, то спровадил опасного соперника на пенсию.

Так обезвредили ещё одного человека, способного повести СССР по совсем иному пути, а не к развалу.

В 1980 году в загадочной автокатастрофе погибает ещё один сильный конкурент Андропова – первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Пётр Миронович Машеров (1918 – 1980). Сюжет банален: «случайный» самосвал, который 4 октября 1980 года пересекает путь кортежа на дороге Москва-Минск.

Видный партизан Великой Отечественной (Герой Советского Союза в 1944 году!), кандидат в члены Политбюро с 1966 года, П. Машеров смог с 1965 года превратить Белорусскую ССР в высокоразвитую республику. Она стала средоточием высокотехнологичной промышленности СССР, в ней активно осваивались новые методы хозяйствования и организации труда. Минск блистал чистотой. Общепит в Белоруссии (и об этом активно судачили по всему СССР) вы-

годно отличался от прочих республик. Белоруссия почиталась как самая не взяточническая из союзных республик. И популярность Машерова в стране стала резко расти. (Достаточно сказать, что нынешний руководитель Белоруссии А. Лукашенко во многом пользуется наследием П. Машерова). Ничем подобным серый председатель КГБ похвалиться не мог.

И, как только блеск и слава Петра Мироновича стали опасными для Андропова, славный партизан погибает в автокатастрофе. «Случайно» передовая машина охраны отрывается от кортежа на 150 метров, «случайно» между нею и автомобилем с Машеровым вклинивается с перекрёстка грузовик. Раз-два – и нет ещё одного конкурента Андропова, причём очень сильного, реформаторски настроенного. Способного дать СССР новую жизнь...

Даже когда пошли неясные слухи о том, что на место Брежнева прочат первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС Сергея Медунова, против того развернулась бешеная информационная кампания. Медунова обвиняли в страшном взяточничестве, выстреливая разоблачительными статьями в «Правде» и «Огоньке». За этой кампанией стоял Андропов. Сергей Семанов, исследовавший деятельность верного ученика Отто Куусинена, язвительно замечает: по Кубани палили из всех «информационных стволов» так, как будто нет никакой коррупции ни в Грузии, ни в Азербайджане, где сидели верные Андропову Эдуард Шеварднадзе и Гейдар Алиев. В 1982 году Медунова сместили с поста руководителя Краснодарского края. К слову: и Алиев (до 1969 г. возглавлявший КГБ Азербайджана), и Шеварднадзе (генерал и министр МВД Грузии до 1972 г.) пришли к власти в своих республиках благодаря Андропову, под знаменем непримиримой борьбы со взяточничеством. Недаром и Шевард-

надзе, и Алиев после смерти Брежнева сделают большую карьеру, а Эдуард Амвросиевич станет главой МИД СССР. Именно при нём начнётся вакханалия полной сдачи позиций СССР Западу...

Но всё это были лишь цветочки, только прелюдия к настоящему государственному перевороту 1982 года.

Государственный переворот 1982 года

В 1982 году в Советском Союзе произошёл тихий государственный переворот. К тому моменту уже бывший председатель КГБ Юрий Андропов пришёл к высшей власти в стране, устранив Леонида Брежнева, превращённого в ходячую развалину.

Если говорить вкратце, то к тому времени созрели все необходимые предпосылки. Итак, в хозяйстве СССР – проблемы, народ недоволен вечным дефицитом. Война в Афганистане затягивается. Взятничество в стране – хотя и смешное по сравнению с нынешним – проедает даже высший эшелон власти. Между КГБ и МВД идёт настоящая война. Народ жаждет сильной руки и наведения порядка. Юрий Андропов начинает борьбу со взяточничеством, «раскручивая» дело убийства киноактрисы Зои Фёдоровой. Выясняется, что охота шла за её бриллиантами, а они, мол, достались дочери Брежнева Галине и её зятю, заместителю министра МВД Юрию Чурбанову.

19 января 1982 года выстрелом в голову из пистолета охранника сводит счёты с жизнью заместитель Андропова – генерал Семён Цвигун. Давний друг Брежнева (они женат на родных сёстрах), приставленный к Андропову зампредом КГБ как «свой человек». Теперь у Брежнева нет своего ока в КГБ. Почему

Цвигун кончает жизнь самоубийством? Или его убивают? На сей счёт есть разные мнения, и одно из них – вскрытое участие Цвигуна в «бриллиантовом деле». Его откровенное взяточничество. Не исключено, что он застрелился, чтобы избежать позора и осуждения. Как бы то ни было, но КГБ теперь остался без негласного надзора брежневского клана.

Неожиданно Андропов после смерти главного идеолога КПСС Михаила Сулова в мае 1982 года занимает его место, оставляя КГБ на генерала Фёдорчука. Но на деле он остаётся негласным руководителем Комитета, в нём у него множество сторонников. Юрию Владимировичу нужно спешить: тяжёлая болезнь почек делает Андропова зависимым от аппаратуры гемодиализа, он уже смертельно болен. Нужно брать власть, пока не поздно.

Леонид Брежнев сам ускоряет события. Надломленный морально из-за разоблачения родной дочери, Брежнев снова поднимает вопрос о преемнике. Но почему-то он не решается ставить на Григория Романова (всё-таки клевета – страшное оружие!), старый генсек останавливает свой выбор на первом секретаре ЦК компартии Украины Владимире Щербицком.

В самом деле, кандидатура – не из худших. Крепкий руководитель, стоявший во главе республики с 1961 года, он вывел Украину на передовые научно-промышленные и сельскохозяйственные позиции. Достаточно сказать, что с 1961 до 1989 годы (до отставки Щербицкого) объёмы промышленного производства на Украине выросли вчетверо, урожаи зерна стали достигать пятидесяти миллионов тонн в год, а население республики выросло с 43 до 52 миллионов человек. (Это нынешние «самостийники» успешно вернут численность населения Украины 2000-х к середине 1960-х). Как ни крути, а Щербицкий во главе СССР был бы

куда лучше Андропова и стократ краше, чем Горбачёв. Осенью 1982 года Брежнев несколько раз бросает замечания о том, что Щербицкий скоро сядет в его кресло Генерального секретаря, а он сам уйдёт на почётный пост председателя ЦК КПСС. По слухам, это должно было произойти на ноябрьском, 1982 г., пленуме ЦК КПСС. Во всяком случае, бывший секретарь ЦК Иван Капитонов (курировал кадровую политику) вспоминает, что Брежнев в середине октября 1982-го сказал ему лично в своём кабинете: *«Видишь это кресло? Через месяц в нём будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учётом этого...»*.

Вот это Андропова совершенно не устраивает. К тому же, кто-то внушает Брежневу мысль: Андропов тяжело болен (почки!), а потому пора бы ему уйти на покой. Во всяком случае, Леонид Ильич, физически окрепнув осенью 1982-го, начинает интересоваться у главы 4-го управления Минздрава Евгения Чазова – как здоровье Юрия Владимировича? Не сочтены ли его дни? (Дальнейшие события покажут, что дело обстояло именно таким образом – Андропову оставалось жить менее полутора лет).

Видимо, именно тогда Брежнев и подписал себе смертный приговор. Сам Чазов вспоминает, как ему накануне праздника 7 ноября 1982 г. позвонил Ю. Андропов и просил убедить Брежнева в том, что он, Андропов, вполне крепок и что кто-то пытается «играть на его болезни». Для нас давние связи Андропова с Чазовым очевидны. А Брежнев ускоряет развязку. В свой последний рабочий день 9 ноября 1982-го генсек вызывает к себе на беседу в кабинет Юрия Андропова. О чём была та беседа, мы можем только догадываться. Может, Брежнев слишком беспокоился по поводу здоровья Андропова и предлагал ему заслуженный отдых. А может, речь о Щербицком шла.

Этого нам уже никто не скажет. Ибо вернувшись вечером 9 ноября на дачу в Завидово, Брежнев пребывал в своём обычном состоянии. Только пожаловался вечером на боль в горле. Спать ушёл рано – до программы «Время» в 21.00. А утром его нашли мёртвым в спальне.

Окажется, что дома у Брежнева нет ни медсестры (помните, как Чазов и Андропов удаляли любимую сиделку Брежнева в 1976-м?), ни дежурных врачей, ни реаниматологов. Это на даче у больного, 76-летнего руководителя огромной страны! Поэтому смерть Брежнева, случившаяся так вовремя для Андропова, отдаёт большой неестественностью.

Валерий Легостаев, расследовавший её обстоятельства, сличает воспоминания об утре 10 ноября 1982 года из трёх источников: воспоминаний начальника личной охраны Брежнева Медведева, Чазова и Горбачёва. И находит в них тьму разночтений с неувязками.

Медведев свидетельствует, что без двух минут девять охрана обнаруживает Брежнева бездыханным – и первым на место происшествия прибывает не кто иной, как... главный идеолог страны Юрий Андропов. А Чазов – лишь вторым. И только после появляется бригада «Скорой помощи». При этом и Андропов, и Чазов ведут себя на удивление спокойно.

Чазов вспоминает, что получил известие о смерти Брежнева, едва только переступив порог своего кабинета в восемь утра (то есть, почти за час до того, как охрана самого Брежнева пошла его будить и нашла бездыханным). Якобы Чазов прибыл на дачу Брежнева первым, где-то в районе полдевятого утра. Долго думал, кому сообщать – чтобы не узнали первыми ни председатель КГБ Фёдорчук, ни министр внутренних дел Щёлоков. При этом непонятно, почему начальник

охраны Брежнева Медведев не позвонил в своё ведомство – КГБ. Чазов, как он утверждает, вызвал Андропова. Формально – уже полгода как не главу КГБ, а главного идеолога СССР. Валерий Легостаев язвительно пишет:

«...Таким образом, самые авторитетные свидетели сообщают публике две несовместимые между собой последовательности событий. Согласно Медведеву, порядок прибывавших на дачу был следующим: Андропов-Чазов-„скорая“. По утверждению начальника 4-го управления, всё было с точностью до наоборот: Чазов-„скорая“-Андропов. Бесспорно, в нормальных условиях более естественной была бы вторая цепочка. Сначала – врач, за ним все остальные. Но это в нормальных условиях. У нас же, как всегда, первым появляется главный претендент на освободившееся место. За ним – не врач, но свидетель от медицины. Потом, если им позволяют, все остальные.

В качестве ещё одного курьёза приведу частное свидетельство Горбачёва. В своём монументальном мемуарном сочинении „Жизнь и реформы“, которое по праву можно назвать шедевром политической хлестаковщины, он упоминает о своей встрече с Андроповым днём 10 ноября: „Ровным голосом он рассказал, что Виктория Петровна – жена Брежнева – попросила срочно сообщить ему о смерти Леонида Ильича и передать, что его ждут на даче в Заречье. Никого другого видеть она не захотела“. Если теперь сложить все свидетельства, то получается следующая картина: сначала Чазов сообщил Андропову, затем Андропов сообщил Виктории Петровне вслед за этим Виктория Петровна попросила уведомить Андропова, настаивая одновременно, чтобы больше никто не приезжал.

А в конце супруга Брежнева выговаривала охране за то, что ей не сказали сразу. Кстати, очень сомнительно и то, что Виктория Петровна могла ставить условия, кому приезжать на дачу, а кому нет. Брежнев не был частным лицом, и его супруга это понимала...»

В свою очередь, зять Брежнева, Юрий Чурбанов, вспоминает, что внучка Брежнева позвонила ему в служебную машину 10 ноября около девяти утра и сказала: «Срочно приезжайте, с Леонидом Ильичом плохо!». Чурбанов говорит, что он, подхватив по пути супругу, Галину Брежневу, помчался на дачу. А там жена Брежнева, Виктория Петровна, сказала, что тут уже побывал Андропов и забрал «бронированный» портфель только что умершего генсека... Получается, Андропов прибыл к телу Брежнева всё-таки первым?

Таким образом, очень многое говорит о том, что 10 ноября 1982 года в Советском Союзе случился тихий государственный переворот. На экстренном заседании Политбюро и секретарей ЦК Андропова выбирают следующим генсеком. Его кандидатуру предлагает задыхающийся от астмы Константин Черненко, остальные соглашаются. Можно только предполагать, что прочие были шибко запуганы тем компроматом, что успел насобирать ни них Андропов за полтора десятка руководства КГБ СССР. Да и не было теперь ни Машерова, ни Кулакова. Щербицкий пребывал в Киеве, далеко от опустевшего высшего поста страны. А Романов ещё руководил Ленинградом, не будучи секретарём ЦК. А затем Андропов смещает с поста главу МВД Щёлокова, своего давнего соперника, становясь безраздельным властителем Советского Союза.

– Ну и что? – скажут нам. – Ну, пускай переворот. Так Брежнев уже всех утомил, страна устала от расхлябанности, пустой болтовни, засилья торговой ма-

фии. Надо же было как-то покончить с этим болотом, привести к власти реформаторов!

Так-то оно так, и страна действительно нуждалась и в реформах, и в наведении порядка. Однако пришедший к власти Андропов отнюдь не собирался вести СССР к победе. Впервые в истории Красной страны бразды правления ею оказались в руках настоящего западного агента влияния. И многие события как до 1982 года, так и то, что происходило с ноября 1982 г. до смерти Андропова в феврале 1984-го, подтверждают наш вывод. Очень многие действия Юрия Владимировича в тот период были настоящими ударами по нашей стране. Игрой в интересах нашего главного противника.

То, что не получилось у Отто Куусинена, удалось его верному ученику и «духовному сыну».

Андропов умер в феврале 1984-го, но дело его продолжало жить

Обаяние зла

Андропов встал во главе страны в ноябре 1982 года. Многие, очень многие подпали под его обаяние. В том числе и автор этих строк, которому в конце 1982-го исполнилось шестнадцать. Контраст с немощным Брежневым оказался резким.

Статьи Андропова и его выступления – после потоков закруглённого брежневского пустословия – представлялись как глоток чего-то свежего, умного, энергичного. Юрий Владимирович покорила сердца словами о повышении производительности труда, о том, что нужно серьёзно изучать общество, в котором мы живём и каковое совсем не знаем. Материалы июньского, 1983 года, пленума ЦК КПСС изучались с

любовью. Андропов всё излагал логично и живо. Было видно, что статьи и речи он если и не сам пишет, то надиктовывает и потом с ними работает. Подкупала его логика. Скажем, выдвигая собственную концепцию национальной безопасности, Андропов рисовал четыре пояса безопасности: *«Первый круг и – главный – это внутреннее единство, экономическое благополучие и моральное здоровье нашей собственной страны – СССР, второй круг – это надёжность наших собственных союзников по мировоззрению, по оружию, третий круг – международное коммунистическое движение, четвёртый – это остальной мир»*.

Маленькая деталь: новогодний телевизионный «Огонёк» 1983 года резко отличался от предыдущих. Он стал намного более развлекательным, лёгким, интересным. Режиссёр Георгий Юнгвальд-Хилькевич, у коего мы с отцом были в гостях 1 января 1983 года, с жаром рассказывал последние слухи о том, как Андропов позвонил телевизионному руководству и потребовал сделать новогоднюю программу лёгкой и музыкальной. Теперь, годы спустя, понимаешь: люди истосковались по новому. Андропов, придя после Брежнева, воспринимался примерно как Путин – после Ельцина. Общество жаждало крепкой руки, порядка, динамизма. Брежневские годы воспринимались как бардак и слабоволие. Юрию Владимировичу приписывали многое из того, к чему стремились сами. И Андропову повезло: период его верховного правления оказался слишком короток. Взойдя на пост генсека в ноябре 1982-го, он умер уже в феврале 1984-го. В нём попросту не успели разочароваться.

Теперь, годы спустя, понимаешь: то было обаяние зла. Умные статьи и речи Юрия Владимировича имели под собой негодную «подложку». Андропов и его «ложа» хотели реформировать страну не через её по-

беду, а через поражение СССР. И конкретные дела Андропова сие доказывают. Давайте отбросим прочь вредные мифы. Разве не при Андропове выдвигаются на высшие посты такие будущие перестройщики, как Михаил Горбачёв и первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Гейдар Алиев? Последнего в 1982 году вводят в Политбюро ЦК КПСС, делают первым заместителем председателя Совмина СССР. А спустя полтора десятка лет этот же деятель будет признаваться в том, что он всегда был против Советского Союза, мечтал о независимости Азербайджана и на работе в Москве делал всё, чтобы использовать глупых русских, закачав в Азербайджан как можно больше капиталовложений. Ну, а Горби при Андропове становится центром сплочения «молодых членов ЦК» – В. Рыжкова, Е. Лигачёва, Э. Шеварднадзе. Надо ли говорить, какую роль сыграют все эти деятели впоследствии?

Да, то было обаяние зла. Не слова, а дела Юрия Владимировича говорят сами за себя. При этом я не склонен разделять деятельность Андропова до и после ноября 1982 года. Как председатель КГБ СССР, он был достаточно влиятелен для того, чтобы «продавливать» нужные решения и при старом Брежневеве. Давайте посмотрим, как Андропов вёл себя в самые ответственные, переломные моменты истории.

Карельское происшествие

1978 – 1979 годы – перелом ситуации в мировом масштабе. Революция в Иране, обострение кризиса США, бурный рост мировых цен на нефть. Это пора, когда удача вновь поворачивается к русским лицом.

20 апреля – невиданная для СССР удача. Пассажирский самолёт «Боинг-707» корейских авиалиний, вторгшийся в небо нашей страны над Карелией в разгар военных учений, был поражён ракетой «воздух-воздух» и смог сесть на замёрзшее озеро. В руках Москвы оказались неопровержимые доказательства грязной, подлой провокации американской разведки.

Есть очень хороший пример: действия Сталина в похожей ситуации 1932 года. Тогда СССР был ещё слаб в военном отношении и претерпевал болезненные процессы внутреннего развития. Для него Япония выступала как крайне опасный противник. Советская разведка в 1931 г. добывает запись переговоров в японском посольстве в Москве, что ведёт откомандированный в Европу генерал Харада, посол Хирота и военный атташе подполковник Касахара. Сталин внимательно, с карандашом в руках изучает переводы с фотокопий. Посол Хирота откровенничает: главная цель Японии в возможной войне с СССР – не коммунизм сдержать, а завладеть русскими Дальним Востоком и Восточной Сибирью. Касахара замечает, что ВС СССР построены для самообороны, вести захватнических войн Москва не хочет. Но страна быстро развивается, её возможности растут. Харада делает вывод: пока СССР не усилился, нужно, чтобы наша Империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют возможность сейчас выступить согласованно с нами, но эта возможность будет ослабевать с каждым годом... Атташе Касахара предлагает (и Сталин это жирно подчёркивает) – пока Советский Союз ещё относительно слаб, показать силу Японии и предложить Москве продать японцам Приморье. Впрочем, Касахара предлагает в докладе, отправленном в Токио, ещё один вариант: напасть на СССР с

Востока, но при этом использовать опыт войны с царской Россией – задействовать пропаганду, поддержку антиправительственных элементов внутри Советского Союза, местных национал-сепаратистов.

В 1932 году Сталину доставляют запись беседы во французском Генштабе, где гостит польский генерал Гонсиоровский. Пан тоже не стесняется: если, мол, Япония начнёт вторжение в советскую Россию, Польша готова вступить в войну и оттянуть на себя силы большевиков. (Пример взят из книги В. Гаврилова и Е. Горбунова «Операция Рамзай»).

Скопив всё это, Сталин в 4 марта 1932 года устраивает скандальную статью в «Известиях», производя сенсацию всемирного масштаба. Он обличает Японию в агрессивных планах.

В 1978 году Москва могла сделать то же самое. Ей несказанно повезло: пассажирский самолёт «Боинг-707», казалось бы, обречённый на гибель на сто процентов после поражения его ракетой, был всё-таки посажен на лёд случайно подвернувшегося озера. Даже если бы корейским пилотам и удалось бы перетянуть подбитый самолёт через советско-финскую границу, их почти наверняка ждала гибель. Ведь внизу был лес, сажать повреждённую машину на него – верная смерть. Пассажирский самолёт вообще не предназначен для посадок вне хорошо оборудованных аэропортов.

Но русским повезло. В руки КГБ СССР попали и самолёт, и пассажиры, и экипаж, который сделал все необходимые признания в сотрудничестве с американской разведкой. То есть, в руки Москвы попал материал для скандальнейшего судебного процесса, для скандала десятилетия. Мы могли обличить американцев в самом гнусном преступлении, в готовности по-

жертвовать невинными людьми ради грязной шпионской операции.

Если бы Москва пошла на организацию такого сенсационного суда (с сопутствующей рекламной кампанией – как в случае суда над сбитым Пауэрсом в 1960-м), то в 1979-м году нанесла бы США неотразимый, тяжелейший удар. Не мы, а янки перед всем миром выступили бы в роли «империи зла». В тот момент Америка была слаба: внутри – экономический кризис, утрачивается важнейшая геополитическая позиция из-за исламской революции в Иране, нефть из-за неё стремительно дорожает, вгоняя экономику Соединённых Штатов в депрессию. Скандал такого рода неизбежно вызывал чистки и дезорганизацию в ЦРУ, ибо кто-то должен был ответить за позорище, равное по масштабам Уотергейтскому скандалу. А тут ещё поспевал и ноябрьский кризис 1979-го: захват иранской молодёжью всего персонала посольства США в Тегеране.

Но Кремль всё сделал по-тихому, словно не желая ссориться. А ведь Юрий Андропов вполне мог бы надавить на Брежнева и на коллег по Политбюро, чтобы устроить скандал на весь свет. Благо, всего лишь год спустя – при обсуждении вопроса о вводе войск в Афганистан – Андропов покажет, как он умеет продавливать нужные себе решения. Да и то, как КГБ умел устраивать скандальные публикации в западной печати тех времён, мы уже отлично знаем. В данном случае и этого не сделали.

Вопрос на засыпку: в чьих интересах работал Ю.В. Андропов? Ответ однозначен: он играл в поддавки с главным противником Советского Союза. Каковой в аналогичной ситуации жалеть нас не стал.

Творец Афгана

А теперь вспомним обстоятельства ввода наших войск в Афганистан в декабре 1979 года. Для США, изнемогающих под грузом тяжелейших проблем, это вторжение стало просто даром небес. Сбылась их самая заветная мечта: русские получили третий фронт противостояния – с мусульманами, в дополнении к натовскому и китайскому. Рассорились с мусульманским миром и получили свой Вьетнам.

Владислав Шурыгин в статье «Творцы Афгана» пишет о том, как советник президента Картера Збигнев Бжезинский (кстати, вполне возможно, связанный с Андроповым по каналу А. Яковлева, «стажёрка» в Колумбийском университете 1958 – 1959 гг., а в 1979-м – посла СССР в Канаде – прим. М.К.) делал всё, чтобы заманить русских в Афганистан. И Андропов помог американцам.

«...Именно Андропов был тем человеком, чьё слово окончательно убедило Брежнева решиться на ввод войск. Напомню, что на совещании у Брежнева по афганскому вопросу руководство Генерального штаба ВС СССР (Н.В. Огарков, С.Ф. Ахромеев, и В.И. Вареников), а также главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии И.Г. Павловский до принятия окончательного решения политическим руководством СССР выступали против ввода войск, так как считали, что внутренние конфликты афганское руководство должно разрешать исключительно самостоятельно, наше военное присутствие спровоцирует развязывание боевых действий и приведёт к усилению мятежного движения в стране, которое в первую очередь будет направлено против советских войск, а слабое знание обычаев и традиций афганцев, особенно мусульманства, национально-этнических и родопле-

менных отношений поставит наших воинов в весьма тяжёлое положение. После столь резких и однозначных возражений военных Брежнев, который всегда прислушивался к позиции Генштаба, несмотря на уже сложившееся у него убеждение вмешаться в ситуацию в Афганистане, заколебался. В этот момент слово взял Андропов. Опираясь на некие «данные агентуры» он заявил, что ЦРУ США в Турции (резидент в Анкаре Пол Хенци) проводят операцию по созданию «Новой Великой османской империи» с включением в неё южных республик из состава СССР, что США уже подготовили батареи ракет «Першинг» к тому, чтобы в ближайшие месяцы развернуть их в Афганистане, и это ставит под угрозу наши стратегические объекты, в том числе космодром Байконур, что после переворота в Афганистане Пакистан готов начать разработку афганских урановых месторождений для создания ядерного оружия. После этого выступления Брежнев свернул дальнейшую дискуссию и приказал готовить операцию по вводу войск.

На последовавшем затем 12 декабря 1979 года заседании Политбюро Андропов вместе с Устиновым, Громыко и Тихоновым были основными разработчиками постановления по вводу войск.

Сегодня мы знаем, насколько сильны были в этот период позиции советской разведки в США. И представляется более чем сомнительным, что председатель комитета госбезопасности не знал об истинных намерениях Америки в Афганистане и о том, чем там занималось ЦРУ. Совершенно очевидно, что Андропов не мог не знать, что никакие ракеты к переброске в Афганистан не планируются и что „атомный проект“ Пакистана проводится не с помощью афганских месторождений, а с помощью южноафриканских ме-

сторожедений и научного потенциала ЮАР...» – пишет В. Шурыгин.

Кстати, есть и другие свидетельства, говорящие о том, что Андропов одновременно пугал Кремль и вводом в Афган китайских войск.

И то, и другое было откровенной чушью. Китай только зализывал раны после унижительного провала своего вторжения во Вьетнам весной 1979-го. Китайцы понесли тогда огромные потери и убедились в малой боеспособности своей армии.

Американцы же пребывали в сильном внутреннем кризисе. В США набирал силу экономический кризис. Со времён Вьетнама прошло всего четыре года. Для слабого президента Джимми Картера устраивать второй Вьетнам в 1979-м – просто самоубийство. Янки решатся на первое послевьетнамское вторжение в другую страну только в октябре 1983 года (крохотная Гренада).

Накануне ввода советских войск в Афганистан, 4 ноября 1979-го, иранские экстремисты захватывают в заложники персонал посольства. США ничего не могут сделать. Операция по освобождению заложников («Коготь орла», апрель 1980 г.) с треском провалилась. Какое, к чёрту, могло быть вторжение США в Афганистан тогда? Ведь неизбежно вспыхивала партизанская война против янки, и тот же СССР помогал бы им оружием. Американцы никогда не решились бы ввести ядерное оружие на такую территорию.

То, что мы знаем 30 лет спустя, было наверняка известно главе КГБ СССР в семьдесят девятом. Равно как и то, что янки мечтают втравить русских в затяжную войну с мусульманами. Тем не менее, Андропов сделал всё, чтобы наши войска вторглись в Афган. Под его крылом планировалась заливчатская операция по демонстративному штурму президентского дворца

в Кабуле силами вновь создаваемого спецназа. К чему? Зачем было уничтожить главу Афганистана Хафизулла Амина, который, собственно, и звал нас на помощь? Куда разумнее было бы помогать ему горючим и оружием, имея контролируемый конфликт, а не бросать армию в тяжёлую войну.

Но Андропов поступил иначе. Вывод однозначен: он работал против нашей страны.

«Поддавки» восемьдесят третьего

Став генсеком, Юрий Андропов развернулся во всю. В 1983-м он наносит Советскому Союзу два сильных удара.

Первый – это, без сомнения, история с южнокорейским самолётом «Боингом», сбитым у острова Монерон. Андропов, давая команду на откровенную ложь об «исчезновении самолёта с экранов радиолокаторов», прекрасно понимал – факт уничтожения самолёта скрыть будет невозможно. Но он пошёл на это, подставив страну под уничтожающий пропагандистский огонь. Тем самым он прямо подыграл президенту США Р. Рейгану, благодаря этому получившему карт-бланш на размещение в Западной Европе ракет типа «Першинг». При этом происшествие с пассажирским самолётом порождает в военной верхушке СССР нерешительность и неуверенность. Они сыграют свою роль в мае 1987 года, когда никто не решится отдать приказ на уничтожение гражданского самолётика, на котором Матиас Руст пролетит от Скандинавии до Москвы, сев на Красной площади...

Но это – уже общеизвестный момент. Другой менее славен. Говорю о поддавках Андропова в «звёздных войнах». В марте 1983-го Рейган чудовищно под-

ставляется – объявляет о начале гигантской программы СОИ – Стратегической оборонной инициативы, знаменитых «звёздных войн». То есть – программы космической противоракетной обороны. В околоземное пространство американцы обещают вывести целый флот боевых платформ, которые должны расстреливать советские баллистические ракеты всеми способами: рентгеновскими лазерами, лазерами с накачкой от ядерного взрыва, сверхскоростными снарядами электромагнитных пушек-рельсотронов, пучками частиц и т.д.

Большого счастья для Советского Союза быть не могло. Американцы, казалось, сами суют шею в петлю. СОИ, становясь обильной кормушкой для военно-промышленного комплекса Соединённых Штатов, гарантированно уничтожала Америку экономически. «Звёздные войны», во-первых, стоили триллионы долларов, а, во-вторых, были совершенно бессмысленны, ибо полностью перечёркивались дешёвыми русскими средствами прорыва ПРО и уничтожения её ключевых элементов. Кроме того, и разведка, и ВПК СССР отлично знали, что заявленного Рейганом «космического оружия» ещё нет. И не будет. Если брать тот же боевой рентгеновский лазер на химических элементах, то для поражения одной лишь русской боеголовки на орбиту необходимо было вывести около 20 тонн груза. Перемножьте это на удельную стоимость вывода в космос всей этой дуры с помощью американского «челнока» (20 тысяч долларов за килограмм) – и вы получаете полную экономическую катастрофу США. Ведь выводить бы пришлось сотни спутников самых разных назначений, а затем – постоянно летать для их обслуживания и замены. На одних выводах в космос янки оставались без штанов. И это без учёта непомер-

ных затрат на разработку собственно космического оружия, тянувших на сотни миллиардов долларов.

Запуск такой программы приводил к колоссальным непроизводительным затратам Америки, к непомерному росту её государственного долга (бюджет США при Рейгане – прочно дефицитный), к угнетению экономики Соединённых Штатов тяжёлыми налогами. А значит – к всплеску обесценения денег и безработицы.

Любой нормальный правитель в Кремле, узнав об инициативе Рейгана, мог бы сразу заказывать торжественный банкет для соратников и радостно петь: «Этот день Победы!». Ибо мы фактически держали победу над главным противником в своих руках. Нужно было только дождаться, когда янки раскрутит маховик СОИ на полные обороты – и полностью перечеркнуть все их астрономические затраты всего несколькими технологиями. А потом оставалось лишь продиктовать свои условия капитуляции истощённым США. Благо, в 1987 году начался острый экономический кризис. Выборы 1988 года становились тогда сокрушительным поражением рейганистов-«ястребов» и началом мирных переговоров Вашингтона с победительной Москвой. Или – началом американской «перестройки».

Но Андропов снова поступает наоборот, по сути спасая Соединённые Штаты от поражения. И снова наносит удар по Советскому Союзу.

Преданная победа

О каких асимметричных русских ответах речь? Во-первых, с 1970 года трудами генеральных конструкторов Анатолия Савина и Вячеслава Ковтуненко

была создана и успешно испытана система ИС – истребитель спутников. Начавшись как спутникамикадзе (нагонявший вражеский объект по более низкой орбите и взрывающийся рядом с целью), к 1983 году ИС развивался в сторону маневрирующего спутника с четырьмя ракетами «космос-космос». Эти истребители могли поразить уже до четырёх целей на высоте до 2 тысяч километров. Оставалось дать ИС выгодную систему быстрого вывода в космос с помощью авиационных комплексов (воздушный старт) – и СССР обретал самое эффективное контроружие. ИСы, выведенные в космос в период обострения международной обстановки, могли быстро уничтожить ключевые элементы СОВ. К восьмидесят третьему наши успели отработать самые экономичные и быстрые способы перехвата орбитальных целей.

Во-вторых, у нас уже к 1980 году имелись технологии, делавшие боеголовки советских ракет совершенно невидимыми для радиолокаторов противника. Что это значит? Вся огромная система СОВ и ломаного гроша не стоит, если сеть радиолокаторных станций на Аляске, в Скандинавии и Англии перестанет видеть головные части русских баллистических ракет. Тогда невозможно дать точное целеуказание орбитальным лазерам, рельсотронам, лазерным «ядерным минам» одноразового действия и т.д.

В Советском Союзе к 1980 году была успешно испытана система полной радионевидимости боеголовок. Плазменная. Разработанная Игорем Острецовым. Эксперименты «Крен» и «Мацеста» показали полный успех новой технологии.

Благодаря Острецову в 1970-е годы появилась на свет аппаратура плазменной невидимости для боеголовок баллистических ракет, а затем – и для крылатой ракеты Х-90 «Метеорит». (Тот, кто читал «Битву за

небеса», помнит об этой аппаратуре). Достаточно сказать, что благодаря ускорителю литиевой плазмы в эксперименте «Крен» космический аппарат класса «Союз» исчезал с экрана радара (снижение радиовидимости КА на 35-40 децибел). В дальнейшем аппаратура (эксперимент «Мацеста») была испытана на ракете типа «Воевода» (в своей книге И. Острецов тепло вспоминает о том, какую помощь оказал тогда ему помощник генерального конструктора ракеты Леонид Кучма). При включении «Мацесты» головная часть ракеты просто пропадала с экранов РЛС. Плазма, окутывавшая «голову» в полёте, рассеивала радиоволны.

Эти работы И. Острецова и сегодня крайне важны – для прорыва перспективной ПРО США. До 1980 г. Игорь Острецов вёл успешные работы по созданию плазменной аппаратуры для гиперзвуковой высотной крылатой ракеты «Метеорит». Здесь радиоволны не рассеивались плазмой (ибо ракета летела в атмосфере), а поглощались ею.

Сама ракета – инициатива амбициозного Владимира Челомея. Гиперзвуковой «Метеорит», неся в себе две боеголовки, на гиперзвуковой скорости и высоте в 22 – 25 км мог, оставаясь радионевидимым, подойти к любой цели практически неуязвимым. У американцев и близко не было оружия для его перехвата. Вся задуманная для СОИ техника не предназначалась для борьбы с гиперзвуковыми крылатыми ракетами. И до сих пор, чёрт возьми, у США нет ничего подобного на вооружении! (Работы над «Метеоритом», резко приторможенные при Горби, окончательно свернули в 1994-м).

«Эта ракета может быть запущена с любого старта, в том числе с морского, например, с торгового судна под любым флагом... Идеальное средство государственного терроризма, к которому, я думаю, в

конце концов прибегают (во избежание лишних расходов) страны интеллигентного типа. Моральные соображения, связанные с реализацией неконтролируемой и обезличенной ядерной атаки на города США будут, безусловно, отмечены в связи с тем, что американцы давно уже выбрали всякий предел терпения угнетаемых ими стран. При этом не понадобится никаких подлодок или авианосцев...

Точность – идеальная, поскольку ракета идёт по радиолокационной карте местности, записанной в память бортовой ЭВМ. Все эти ПРО и СОИ становятся просто никому не нужной игрушкой. Омертвляются колоссальные капиталовложения потенциального противника. К тому же, ему наносится огромный моральный ущерб, поскольку дискредитируются его умственные способности, затраченные вхолостую...» – пишет И. Острецов в книге «Введение в философию ненасильственного развития».

Итак, любой нормальный правитель СССР в 1983-м при известии о начале программы «звёздных войн» в США, радостно хлопнув в ладоши, распорядился бы формировать три ассиметричных ответа: в виде системы ИС, плазменной радионевидимости боеголовок и ракеты Х-90 «Метеорит».

А что делает Андропов? В августе 1983 года он – словно СОИ является серьёзной угрозой – приказывает остановить разработку нашего противоспутникового оружия, останавливает программу ИС. Академику Анатолию Савину звонит тогдашний министр обороны Дмитрий Устинов и сообщает: баста, скоро Юрий Владимирович заявит на весь мир о том, что мы в **одностороннем** порядке прекращаем испытания комплекса. В надежде, мол, на то, что из вежливости Вашингтон откажется от программы СОИ. Таким образом, реальный боевой комплекс, коего не было у

США, разменивался на несуществующую, чисто «блефовую» программу «звёздных войн»!

А. Савин пробовал доказать идиотизм этого шага, говорил о том, что янки не откажутся от СОИ. Против выступали и Военно-космические силы СССР. Но всё даром: Андропов сделал роковой шаг. Он совершенно не заметил перспектив плазменной радионевидимости. (Хорошо, хоть «Метеорит» не зарезал тогда). А самое главное – Андропов эстафетой передал беспочвенный страх перед СОИ дальше: Горбачёву. Впоследствии Горби пойдёт на все мыслимые и немыслимые уступки, лишь бы Вашингтон отказался от программы «звёздных войн». Так, будто они – страшная угроза, а не сверхдорогой блеф, опасный прежде всего для самих американцев. Кстати, мирная инициатива Андропова не возымела никакого действия: Вашингтон продолжал надувать страшилку СОИ, одновременно завершая разработку АСАТ – своей противоспутниковой ракеты воздушного базирования. Американцы испытывают АСАТ в 1985-м...

Что двигало тогда Андроповым? Наш ответ однозначен: нежелание того, чтобы СССР победил. Его реформаторские планы требовали нашего поражения. На протяжении всего одного месяца 1983 года он сыграл с американцами в поддавки дважды: угробил систему ИС и безобразно подставился с южнокорейским самолётом.

Вне всякого сомнения, ответственность лежит не на нём одном. Огромная доля вины за самоубийственные для страны шаги лежат и на министре обороны Дмитрие Устинове, и на главе МИД СССР Юрии Громько. (В марте 1985-го именно Громько своим авторитетом на Политбюро и продавит избрание Горбачёва генсеком). Андропов здесь выражал интересы огромного слоя советской партноменклатуры, с

1956 года утратившей желание победить Запад. Она склонялась к идее «мирного сосуществования». И она не обращала внимания на то, что США играли только на сокрушение Советского Союза.

Но Андропов своей волей мог повернуть события в совершенно иное русло. Он же предпочёл поддавки. Сделать такое мог только коварный и расчётливый враг русских. Явно игравший на стороне мировой закулисы, приговорившей нашей страну к смерти.

Калугин как метка

Нам скажут, что всё это – весьма косвенные доказательства, что Андропов в силу научно-технической неграмотности мог просто ошибиться. Но мы остаёмся при своём мнении. Ибо есть ещё одна метка андроповского предательства: судьба генерал-майора КГБ Олега Калугина. Именно она показывает: Андропов вёл тайные игры с американской разведкой.

К 1980-му году слишком многое говорило за то, что О. Калугина пора брать и запускать на «конвейер» допросов-дознаний. Слишком много странностей накопилось в его биографии и служебной карьере.

Итак, в 1959 году молодой офицер госбезопасности Калугин едет на стажировку в Колумбийский университет в США. Вместе с будущим главным идеологом перестройки А. Яковлевым. За всем этим стоит международный отдел ЦК КПСС (Куусинен).

И тут начинаются странности. Олег Калугин якобы вербует в США Анатолия Котлобая – бывшего советского гражданина, который во время немецкой оккупации уехал с Украины на Запад. Котлобай сам выходит на Калугина и, жалуясь на тоску по родине, предлагает молодому разведчику передавать в СССР

секреты твёрдого топлива для ракет. Мол, он, работая в крупной химической компании, имеет к ним доступ. (А тема твёрдого топлива для нас тогда была крайне актуальной: янки здесь опережали Советский Союз). Калугин устанавливает контакт, хотя от всей этой истории за версту разит активной операцией ЦРУ.

Но Лубянка даёт разрешение Калугину на разработку Котлобая, присваивая тому псевдоним – Кук. Кук сразу же передаёт Калугину образец твёрдого топлива, описание технологии и детальный американский анализ развития химпрома СССР. КГБ всё это воспринимает всерьёз, по возвращении домой Калугина награждают орденом «Знак почёта», он делает карьеру в системе госбезопасности, становясь в 1966 г. заместителем резидента КГБ в США. С 1970 г. Калугин – замначальника управления «К» – внешней контрразведки, а с 1973-го – и начальником. Знал ли его Андропов, глава КГБ СССР с 1967 года? Отлично знал. И поставил на один из самых ключевых постов.

Но к тому моменту выяснилось, что агент Кук скормил Москве техническую «дезу», что попытка воспользоваться американской технологией производства твёрдого топлива привела лишь к убыткам. К тому же, в 1964-м Кука-Котлобая срочно вывезли в СССР якобы потому, что в США ему грозило разоблачение. (Агента устроили работать в ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений). Но вот что странно: при этом Кук-Котлобай успел переправить в Москву все свои ценные вещи и картины, снять с банковских счетов свои сбережения. Немудрено, что контрразведка начинает копать под Кука, в 1978-м московское управление КГБ заводит на него дело о валютных махинациях и сажает в Лефортово.

Калугин пытается вытащить Кука из тюрьмы. Андропов, узнав о подозрительной активности генерала Калугина, поручает ему допрос подозреваемого. Как говорят, на видеозаписи допроса видно: Калугин делает Куку-Котлобаю тайный знак: молчи! Именно это заставляет контрразведку заняться самим Калугиным. Выясняется, что за ним – как минимум ещё два подозрительных дела, заставляющие думать: а на кого работает генерал?

В 1977 году разоблачён Огородник – завербованный ЦРУ бывший второй секретарь посольства СССР в Колумбии, а позднее – сотрудник управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД. Через него в США уплыло немало ценных материалов, причём исходивших по линии не только МИД, но и КГБ, и Минобороны СССР. Но быстро выяснилось, что о работе агента ЦРУ в дипломатическом ведомстве Советского Союза в 1974 – 1975 годах сообщал своему начальству агент чехословацкой разведки Карел Кочер, внедрённый в советский отдел ЦРУ. Ну, а чехи делились информацией с КГБ СССР. Проверкой сигнала занялся контрразведчик Калугин. Он в 1976-м, выехав в Прагу, встретился со специально тайно прибывшим туда Карелом Кочером. Пообщавшись с ним, Калугин объявил Кочера неискренним, а его информацию о «кротах» ЦРУ в СССР – ложной. Но оказалось, что Карел Кочер был прав, а вот генерал Калугин, получается, позаботился о сохранности американской шпионской сети.

Второй эпизод – загадочная смерть двойного агента Ларка – бывшего офицера ВМФ СССР Артамонова, бежавшего в 1959 г. на Запад. В США ему сменили имя и сделали сотрудником Разведывательного управления министерства обороны (РУМО) США. Но в 1965-м наша разведка его нашла и предложила пере-

вербоваться. Артамонов согласился, получив псевдоним – Ларк. Но действительно ценной информации Ларк-Артамонов не поставлял, потому в Москве решили: он работает под указку американцев, а потому его надо выманить в СССР и выпотрошить. Ларка в 1975 г. выманили в Вену (под предлогом встречи с агентом КГБ), усыпили хлороформом и повезли к плохо охраняемой австро-чешской границе. С той стороны усыпленного Ларка должен был встретить генерал Калугин с группой товарищей. Ларк был уже в руках бригады, когда вдруг очнулся. И тогда генерал вторично усыпляет агента, хотя врач в бригаде пытается протестовать. И точно – усыпленный Ларк умирает.

Зачем Калугин это делал? От некомпетентности? Или – принимая во внимание другие эпизоды – заботился о ЦРУ США? Или сам опасался разоблачения?

Таким образом, в 1979-м Андропов получил целый набор материалов, вопиющих о том, что генерал Калугин, как говорят в Одессе – «не той человек». Но Юрий Владимирович поступает странно: вместо того, чтобы отправить Калугина под следствие, он перемещает генерала на пост заместителя начальника управления КГБ по Ленинграду, фактически спасая и от тюремной камеры, и от расстрела. И там Калугин снова «отличается» в 1988-м. Вспоминает ветеран советской внешней разведки Вячеслав Широнин.

В Комитет госбезопасности по линии разведки однажды поступили сведения о том, что в Советский Союз под изменёнными данными выехал опытный сотрудник ЦРУ для встречи в Ленинграде с «агентом влияния» из числа советских граждан. Обеспечивать безопасность её ЦРУ поручило своей резидентуре. КГБ об этом знал, личность гостя установили ещё в Шереметьево – и «повели» его до Ленинграда. Для координации поисковых мероприятий в «северную

столицу» из Москвы отрядили генерала В. По прибытии в Ленинград В. раскрыл Калугину цель командировки и личность приезжающего американского разведчика. Но не сказал, что параллельно с ленинградскими чекистами за гостем ведёт слежку бригада «наружки», прибывшая тайно из Москвы. Именно она и засечёт то, как Калугин «невзначай» встретится с американцем на одном из мостов через Неву, после чего цэрэушник спешно возвращается в Москву, а затем и в США, так и не встретившись с «агентом влияния». За Калугиным стали наблюдать. И точно: неделю спустя зафиксировали его встречу с сотрудником генконсульства Соединённых Штатов в Ленинграде, по подозрению – работником подрезидентуры ЦРУ. Затем наблюдение установило: по четвергам напротив дома, где жил генерал Калугин, в виду его окон, ставила машину американка из подрезидентуры ЦРУ. (В. Широнин, «Прорабы перестройки из Колумбийского университета» – сборник «Живая память», Москва, 1997 г.)

После этого Калугин, видимо, осознав свои очевидные промахи, помчался в Москву – встречаться с заместителем Михаила Горбачёва, главным идеологом перестройки Александром Яковлевым. С тем самым, что вместе с Калугиным стажировался в Колумбийском университете в 1958 – 1959 годах. После приёма у Яковлева Калугин пишет в ЦК письмо о фактах взяточничества и некомпетентности в работе ленинградского управления КГБ, причём Яковлев кладёт его на стол Горбачёву. Разыгрывается скандал, факты не подтверждаются – а Калугин уже кидается в демократический шабаш. Потом последуют его «проговорки» и очень подробные намёки на американцев, завербованных КГБ СССР – и громкие разоблачения «монстра КГБ».

Таким образом, можно сделать вывод: Андропов не зря спасал «колумбийского стажёра» Калугина в 1980-м от (как минимум!) тюремной решётки. Не зря он позволил этой тёмной личности пятнадцать лет работать в святой святых русской разведки. Всё ясно: Андропов играл в свои игры с американскими спецслужбами, где Калугин выступал лишь как нужная часть схемы. При этом Калугин был связан с важным членом андроповской ложи – с Александром Яковлевым, недавним послом в Канаде, «стажёром» Колумбийского университета. Смотрите: именно к Яковлеву в начале 1980-х едет на инструктаж в Канаду протеже Андропова – свежеиспечённый секретарь ЦК Михаил Горбачёв. Именно Яковлев старается прикрыть Калугина, а потом – становится заместителем генсека Горбачёва по идеологии, разворачивая настоящую психологическую войну против СССР.

То есть, со времён Куусинена складывается настоящая сеть агентов чужого влияния, явно попавших под колпак ЦРУ ещё с конца 1950-х, при этом прикрытая учеником Куусинена – председателем КГБ СССР Юрием Андроповым. Сопоставьте всё это с иными славными деяниями Юрия Владимировича – и получите полную картину.

У руля страны в 1982-м оказался её плохо скрытый враг. Более того, на свою сторону он склоняет главу МИД СССР Андрея Громыко.

Зачем затравили Николая Иноземцева?

В 1982 году скоропостижно скончался директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), академик Николай Иноземцев. На его место в 1983-м при поддержке Ю. Андропова,

Андрея Громыко и Георгия Арбатова назначают только вернувшегося из Канады Александра Яковлева.

Н. Иноземцев умер 12 августа 1982 г. после того, как на него посыпались напасти. Сначала прокуратура занялась злоупотреблениями в хозяйственной части его института – академика обвинили в покупке мебели для своей дачи за счёт ИМЭМО. Потом, в апреле 1982-го, КГБ начало громкое дело против диссидентов: коммунистов-реформаторов Хавкина, Фадина и Кагарлицкого – сотрудников ИМЭМО, выпустивших рукописный сборник «Поиски». Иноземцев не выдержал всего этого – и скончался.

Но вот что интересно: академик Иноземцев работал над планом прагматических реформ в Советском Союзе. Он действительно суммировал и анализировал успешную практику экономических преобразований во всём мире. Однако Николай Иноземцев не относился к ложе Андропова, к компании Арбатова, Бовина, Яковлева и иже с ними. Он не работал в аппарате ЦК и был чужим, а монополия на реформы в СССР должна была принадлежать вполне определённой группировке. Не потому ли его убрали с дороги? Не потому ли на его место посадили Александра Яковлева – будущего разрушителя страны?

Жизнь после смерти

Хотя Андропов умер в феврале 1984-го, дело его продолжало жить. После короткого – чуть более года – правления серого аппаратчика Черненко генсеком выбрали Михаила Горбачёва, выдвиженца Андропова. И благодарить за это мы должны «выдающегося» дипломата Андрея Громыко.

Вспоминает Г. Романов, так и не ставший альтернативой ни Андропову, ни Горбачёву, в 1985-м – отправленный в отставку:

«– Когда умер Черненко, я отдыхал в Паланге. Щербицкий был с делегацией Верховного Совета СССР в Америке. Кунаев был у себя в Алма-Ате. О том, что никто из нас троих не станет голосовать за Горбачёва, в ЦК знали все. В итоге – ни мне, ни Кунаеву вообще никто ничего не сказал, а Щербицкий вылетел в Москву, но не успел на заседание Политбюро, на котором обсуждалась кандидатура Генерального секретаря. Меня поставили перед фактом, и я написал заявление по собственному желанию. В 62 года стал персональным пенсионером и ничем больше не занимался.

...Сопротивляться было невозможно. В марте восемьдесят пятого к власти пришёл не Горбачёв, а целая группа – Рыжков, Лигачёв и прочие. Громыко они купили должностью Председателя президиума Верховного Совета. Соломенцев тоже был за Горбачёва. Большинство. Один в поле не воин, да и против партии идти – не так нас воспитывали. Поэтому я ушёл...»

Фактически, Горбачёв продолжит дело Андропова. За шесть лет бесславного правления разразится катастрофа Советского Союза, горькие плоды которой мы пожинаем и до сих пор.

Кстати, перед избранием Горби генсеком ему устроили смотрины на Западе. Осенью 1984-го во главе делегации Верховного совета СССР в Англию едет Михаил Сергеевич. Перед поездкой директор ИСКАН Георгий Арбатов инструктирует Горби: как понравится Маргарет Тэтчер, яркой антисоветчице и русофобке. И он ей понравится: «железная леди», пообщавшись с

членом Политбюро, изречёт: «С этим человеком можно иметь дело!»

Да, дело Андропова успешно жило и после его смерти. Оставалась на месте вся ложа докладчиков и помощников, шёл вверх А. Яковлев, а Г. Арбатов продолжал трудиться в Институте США и Канады. И только ленивый не знал, насколько Арбатов связан с американскими влиятельными кругами.

Так что инструктировал Горбачёва перед поездкой в Англию весьма непростой человек. Верный андроповец. Выдвиженец ещё самого Старика Куусинена.

Да, Западу с Горби действительно можно было иметь дело: СССР не стало.

Куусинен родил Андропова. Андропов поднял к вершинам власти Горбачёва. И всё кончилось миллионами жертв, страшными разрушениями. Кровь и руины открывают историю новой элиты – правящей верхушки уже Российской Федерации...